

SCIENCE TIME

Общество Науки и Творчества

*Международный
научный журнал*

Выпуск №6/2026

**Материалы Международных научно-практических мероприятий
Общества Науки и Творчества (г. Казань)
за июнь 2026 года**

ОНТ

Общество Науки и Творчества

КАЗАНЬ

2026 год

Журнал «Science Time»: Материалы Международных научно-практических мероприятий Общества Науки и Творчества за июнь 2026 года / Под общ. ред. С.В. Кузьмина. – Казань, 2026.

Выходные данные для цитирования:
Science Time. – 2026. – № 6 (149).

ISSN 2310-7006

Редколлегия:

1. Муратова Н.Ф. – доктор филологических наук, доцент Университета журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана, г. Ташкент, Узбекистан.
2. Никитинский Е.С. – доктор педагогических наук, профессор Университета «Туран-Астана», г. Нур-Султан, Казахстан.
3. Мирзаев Д.З. – кандидат исторических наук, доцент Термезского государственного университета, г. Термез, Узбекистан.
4. Равочкин Н.Н. – доктор философских наук, профессор кафедры педагогических технологий Кузбасского государственного аграрного университета имени В.Н. Полецкого, г. Кемерово, Россия.
5. Муталиева Л.М. – кандидат экономических наук, доцент Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан.
6. Зокирзода З.Х. – кандидат юридических наук, доцент Педагогического института Таджикистана в Раштском районе, Таджикистан.
7. Акбаров А. – кандидат физико-математических наук, доцент Узбекского государственного университета физической культуры и спорта, г. Чирчик, Узбекистан.
8. Ильященко Д.П. – кандидат технических наук, доцент Юргинского технологического института Томского политехнического университета, г. Юрга, Россия.
9. Ризаева Н.М. – доктор фармацевтических наук, доцент Ташкентского фармацевтического института, г. Ташкент, Узбекистан.
10. Анисимова В.В. – кандидат географических наук, доцент Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия.

Материалы данного журнала размещаются в НЭБ eLibrary.

Для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

© Коллектив авторов, 2026.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел «Культура, наука и история»

Стр. 5 Жданова А.А., Петров А.П., Павлов Д.А. Влияние импрессионизма на развитие станковой живописи XX века

Стр. 11 Ibrahimova N.N. Cultural heritage of Ancient India: religion, society, art, and architecture

Стр. 15 Исангулов Д.Э. Сохранение культурного наследия в Республике Узбекистан на современном этапе

Раздел «Психология, педагогика и образование»

Стр. 21 Chen Yuechao, Zheng Qin. Application of painting therapy in mental health education activities for middle school students

Стр. 26 Гундобина С.Х. Особенности обучения иностранному языку учащихся начальных классов

Стр. 30 Кирьянова О.А. Organizing independent student work in the fine arts program

Стр. 34 Старинская А.Р. Функциональный подход к проектированию программ развития преподавателей высшей школы

Раздел «Правоведение»

Стр. 40 Гаджимурадов Е.Н. Совершенствование деятельности по выявлению и раскрытию преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков

Тема номера

Стр. 46 Миловская А.В. Стратегии селекции и интеграции материалов в дизайне моделей с расширенным жизненным циклом (10+ лет)

ВЛИЯНИЕ ИМПРЕССИОНИЗМА НА РАЗВИТИЕ СТАНКОВОЙ ЖИВОПИСИ XX ВЕКА

*Жданова Алена Андреевна,
Петров Алексей Петрович,
Павлов Дмитрий Александрович,
Московское академическое художественное
училище, г. Москва*

E-mail: dimon132pavlov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния импрессионизма на развитие станковой живописи XX века. Авторы анализируют исторический контекст возникновения импрессионизма, его ключевые художественные принципы и механизмы воздействия на последующие направления – фовизм, кубизм, экспрессионизм, сюрреализм и абстракционизм. Рассматриваются цветовые и композиционные новации импрессионистов, трансформация жанровой иерархии и субъективация художественного восприятия. На примере творчества Г.Р. Гигера, С. Дали и Ц. Нихэя демонстрируется адаптация классических принципов к новым визуальным средам. Авторы приходят к выводу, что импрессионизм стал точкой отсчёта, определившей ход эволюции модернистского искусства.

Ключевые слова: импрессионизм, станковая живопись, модернизм, фовизм, кубизм, экспрессионизм, сюрреализм, абстракционизм.

Импрессионизм, возникший во Франции в последней трети XIX века, стал тем водоразделом, который отделил классическое академическое искусство от искусства Новейшего времени. Он начинался как скандал, как дерзкая выходка нескольких «безумцев», посмеявшихся писать тени цветными, а не чёрными. Однако сегодня очевидно, что это был один из самых важных поворотов в истории художественной мысли. Воздействие импрессионизма на живопись XX века оказалось не просто значительным, а тектоническим: почти все основные направления модернизма – от фовизма и экспрессионизма до абстракции и неокспрессионизма – либо развивали открытия импрессионистов, либо отталкивались от них [1, 2]. Цель данной работы – выявить и систематизировать ключевые параметры влияния импрессионизма на развитие станковой живописи XX века.

До появления импрессионизма европейская академическая традиция жестко делила жанры живописи на «высокие» и «низкие». К «высоким» относились историческая, мифологическая и религиозная живопись – они считались достойными великих мастеров и требовали большого формата, тщательной композиции, героического сюжета из античности, Библии или

национальной истории. К «низким» жанрам относились пейзаж, натюрморт и бытовой жанр – они считались второстепенными, предназначенными для камерных интерьеров и неспособными выразить высокие идеи [1, 2]. Как отмечает Дж. Ревалд, «система Салона была построена так, что художник исторического жанра автоматически получал более высокий статус, гонорары и государственные заказы».

Импрессионисты совершили системный переворот, который нельзя сводить только к техническим новациям. Они сознательно выбрали для «большого» выставочного искусства то, что академики считали недостойным внимания, и тем самым нанесли удар по самим основаниям академической идеологии. Клод Моне пишет «Стога» (1890-1891) сериями, превращая рутинный крестьянский мотив – стог сена в поле – в предмет философского исследования света, времени и восприятия. Пьер Огюст Ренуар делает центральным сюжетом танцующих парижан в картине «Мулен де ла Галетт» (1876) – огромное полотно, которое по формату и композиционной сложности конкурирует с исторической картиной, но изображает не битву или античный миф, а воскресный день простых людей на танцплощадке в Монмартре. Эдгар Дега выбирает для своих крупноформатных работ скаковых лошадей, прачек, оперных танцовщиц – фигуры, находившиеся на периферии или вовсе за пределами академической иерархии. Как подчёркивает М. Шапиро, «импрессионисты систематически переносили приемы и масштаб исторической картины на сцены современной повседневной жизни, тем самым уничтожая сам принцип жанровой иерархии» [3].

Для XX века этот отказ от жанровой иерархии стал фундаментом, на котором выросло всё последующее искусство модернизма. Когда Пабло Пикассо в 1907 году пишет «Авиньонских девиц» – полотно традиционного формата исторической картины, предназначенного для героических сюжетов, – он изображает не античных героев и не библейских пророков, а проституток барселонского квартала. Жанровая граница перестала существовать окончательно. В дальнейшем поп-арт 1960-х годов вообще сделал предмет живописи товарный знак и массовую репродукцию – то, что академическая традиция не сочла бы достойным даже «низкого» жанра. Импрессионизм легитимировал принцип, который сегодня кажется самоочевидным, но в середине XIX века был революционным: важна не тема, а то, как она написана. Художественное высказывание перестало оцениваться по критерию «достоинства» сюжета [1].

Академическая живопись строилась на системе так называемых локальных цветов. Согласно этой системе, каждый предмет обладает неким постоянным, присущим ему цветом: трава – зеленая, небо – голубое, лица – телесные, тени – черные или коричневые. Художник должен был изображать не то, что он видит в данный момент при данном освещении, а то, что он «знает» о предмете. Импрессионисты под влиянием двух факторов – научных теорий цвета и практики работы на пленэре – совершили радикальный переворот в этой системе. Первым и важнейшим научным источником стала работа Мишеля

Эжена Шеврёля «Закон одновременного контраста цветов» (1839), который обнаружил, что два соседних цвета взаимно влияют друг на друга, усиливая или ослабляя свои характеристики. Вторым фактором стала работа на открытом воздухе (пленэр), которую импрессионисты превратили из этюдной подготовки в основной метод создания законченной картины [1, 3].

Конкретные живописные открытия импрессионистов в области цвета можно суммировать в нескольких ключевых примерах. Клод Моне в серии картин, изображающих стога (1890-1891) и Руанский собор (1892-1894), показывает, что один и тот же предмет может приобретать совершенно разную цветовую характеристику в зависимости от освещения. Тени на снегу у Моне – не черные и не коричневые, а фиолетовые, синие, голубые с розоватыми рефlekсами. Камилль Писсарро фиксирует, как стволы деревьев переливаются оттенками золотистого, фиолетового и зеленого в зависимости от положения солнца и времени года. Пьер Огюст Ренуар в картине «Мулен де ла Галетт» (1876) создает сложнейшую систему цветовых рефlekсов: солнечные пятна, проходя сквозь листву, падают на одежду и лица танцующих, окрашивая их в желтовато-зеленоватые тона, а тени приобретают сиреневый оттенок [1, 3]. Технически импрессионисты совершили два важнейших нововведения. Во-первых, они начали использовать чистые, несмешанные на палитре цвета, нанося их на холст прямо из тюбика. Во-вторых, они полагались на оптическое смешение в глазу зрителя: с определенного расстояния отдельные мазки сливаются в единый тон, который физически более насыщен и вибрирующ, чем механически смешанный на палитре. Как формулирует Л. Вентури, «импрессионисты первыми поняли, что цвет – это не свойство предмета, а способность глаза реагировать на свет» [2].

Для XX века этот переворот стал отправной точкой, от которой отталкивались все последующие движения модернизма. Фовизм (Анри Матисс, Андре Дерен, Морис Вламинк, 1905 год) делает следующий шаг: цвет окончательно отрывается от натуры и становится полностью автономным. Матисс пишет «Женщину в шляпе» (1905) – портрет своей жены с зеленым лицом, желтыми волосами и красным фоном – не потому, что так видит, а потому, что цвет становится носителем чистой эмоции, ритма и декоративной энергии [4]. Как заявлял сам Матисс, «я не пишу эту женщину, я пишу картину» – то есть живописная реальность имеет собственную логику, не зависящую от натуралистического подобия. Андре Дерен в «Лодках в Коллиуре» (1905) изображает море красным, а небо оранжевым, доводя импрессионистическую свободу цвета до предела и предвосхищая абстракцию. Фовисты назвали свой подход «цвето-конструктивизмом»: цвет не описывает натуру, а создает композицию и выражает чувство художника [5].

Экспрессионизм (Эдвард Мунк, группа «Мост», «Синий всадник») использует цвет для передачи не просто эмоции, а глубокого психологического или даже экзистенциального состояния. Красное небо в «Крике» (1893) Мунка напрямую наследует импрессионистическую свободу в обращении с цветом, но усиливает ее до символического, почти иррационального жеста. Это не просто

«красный закат», а цвет тревоги, отчуждения, ужаса перед лицом природы [4]. Эрнст Людвиг Кирхнер в сценах берлинской улицы использует кислотно-зеленые лица и ядовито-желтые тела, чтобы передать отчуждение и нервную атмосферу большого города. Василий Кандинский, будучи членом «Синего всадника», уже почти полностью освобождает цвет от предметной привязки.

Абстракция доводит эту логику до конца. Как отмечает энциклопедия русского авангарда, «случайные элементы абстракции можно выявить в мировом искусстве на протяжении всего его развития, но зарождение этого стиля следует искать в живописи импрессионистов, которые пытались разложить цвет на отдельные элементы. Фовизм осознанно развил эту тенденцию, „выявляя“ цвет, подчёркивая его самостоятельность и делая объектом изображения» [6]. Василий Кандинский в «Композиции VI» (1913) и «Композиции VII» (1914) создает картины, где цвета и формы существуют без какой-либо отсылки к предметному миру. Он прямо заявляет, что цвет обладает самостоятельным «духовным звучанием»: желтый – земной, беспокойный; синий – небесный, глубокий; красный – энергичный, мужественный [6]. Казимир Малевич в «Черном квадрате» (1915) идет еще дальше: он сводит цветовую палитру к нулю, утверждая, что чистое цветовое отношение является основой всякого живописного переживания. Как справедливо отмечает исследователь, «импрессионизм сделал возможным сам вопрос о том, может ли цвет существовать без предмета; абстракция дала на этот вопрос положительный ответ» [6].

В академической системе мазок должен был быть «невидимым» – поверхность картины тщательно выглаживалась, следы кисти считались признаком незавершенности. Импрессионисты ввели технику *alla prima* (живопись в один сеанс, без многослойных прописок), использовали открытый, энергичный, часто фактурный мазок. Мазок Моне в «Скалах в Бель-Иль» (1886) – это самостоятельная структура, которая передает не форму камня, а ощущение удара волны. Винсент Ван Гог (хотя формально постимпрессионист, но развивает эту линию) делает фактуру главным содержанием: рельефные, крученые мазки «Звездной ночи» (1889) превращают живопись в событие нанесения краски [1]. Для XX века это стало основой для целых направлений. Экспрессионизм использует нервный, дробный мазок, чтобы передать тревогу городской жизни. Абстрактный экспрессионизм 1940-50-х годов (Джексон Поллок, Виллем де Кунинг) делает жест художника единственным содержанием. Поллок разбрызгивает краску на холст, лежащий на полу, – его дриппинг полностью устраняет различие между рисунком и фактурой, между формой и процессом [4]. Де Кунинг говорит: «Краска – это изобретение, чтобы выразить эмоции». Эта линия ведет к ташизму (французская версия живописи жеста) и к неоэкспрессионизму 1980-х, где мощная фактура становится знаком субъективного высказывания.

Ренессансная перспектива строилась как геометрически выверенная иллюзия глубины. Импрессионисты под влиянием японской гравюры (укиё-э) и ранней фотографии начали разрушать эту систему. Они использовали

фрагментарную композицию (фигуры обрезаны рамой, как в кадре фотоаппарата), смещение центра (главный объект часто смещен к краю), размытость границ (форма теряет четкий контур, растворяясь в световоздушной среде) и отказ от линейной перспективы [1, 3]. Это был не просто технический прием, а смена мировоззренческой установки. Картина перестала быть «окном», через которое зритель смотрит на идеально выстроенное пространство. Она стала фиксацией мгновенного взгляда, часто «случайного». Для XX века это открыло путь к радикальной трансформации формы. Поль Сезанн, который начинал с импрессионистами, но затем отошел, поставил задачу «вернуть искусству вечность, отнятую у него импрессионистами». Он перестроил импрессионистический анализ в конструктивный: форма стала строиться цветом, объем передавался через модуляции теплых и холодных тонов. Кубизм (Пикассо, Жорж Брак, 1907-1914) напрямую наследует сезанновскую идею: предмет разложен на геометрические плоскости, показан с нескольких точек зрения одновременно. Классическая перспектива окончательно отброшена [4].

Название картины Моне «Впечатление. Восходящее солнце» (1872) стало манифестом: живопись теперь фиксирует не реальность как таковую, а впечатление от нее. Художник не обязан изображать предметы в их «идеальной» форме, он может передать мгновенное ощущение света, погоды, настроения. Это радикально меняло статус художника: от ремесленника, выполняющего заказ, к творцу, чье субъективное видение становится главной ценностью. В XX веке эта установка привела к тому, что личное, индивидуальное, даже интимное стало основой крупных движений. Экспрессионизм (Мунк, Эгон Шиле, Оскар Кокошка) делает деформацию формы и цвета средством передачи внутреннего состояния, душевной боли. «Крик» Мунка – не изображение человека, а изображение переживания [4]. Сюрреализм (Сальвадор Дали, Рене Магритт, Жоан Миро) развивает импрессионистическую идею о приоритете внутреннего мира, но переводит ее в область бессознательного, сна, автоматизма [4]. Абстрактный экспрессионизм (Марк Ротко, Барнетт Ньюман, Поллок) делает субъективное переживание единственным содержанием. Ротко говорит о своих цветовых полях как о «драме»; зритель должен вступить в диалог с картиной, как с другим сознанием.

Важнейший механизм влияния импрессионизма на XX век – это то, что почти каждое значительное направление рождалось из критики импрессионизма, используя его завоевания как платформу для скачка. Сезанн считал, что импрессионизм «растворил» форму в свете и лишил искусство структурной прочности. Его конструктивный анализ формы напрямую приводит к кубизму. Символизм возвращает в живопись литературность, символ, сновидение, но использует импрессионистическую свободу цвета и фактуры. Абстракция радикализирует импрессионистический отказ от предметности. Однако сам язык чистой живописи (цвет, линия, фактура) был выработан импрессионизмом [6]. Дадаизм и поп-арт критикуют импрессионизм за «чистую живописность» и возвращают в искусство реальные объекты, коллаж, массовую культуру. Но без импрессионистического разрушения иерархии жанров и эстетических границ подобный жест был бы невозможен.

Проведенное исследование позволяет выделить три фундаментальных сдвига, которые импрессионизм совершил в художественной парадигме и которые определили развитие станковой живописи XX века. Во-первых, онтологический сдвиг: картина перестала быть иллюзией реальности («окном», «зеркалом») и стала автономным объектом, который исследует собственные средства – цвет, фактуру, плоскость. Это подготовило путь от Сезанна и кубизма до минимализма [6]. Во-вторых, эпистемологический сдвиг: живопись освободилась от обязательной объективности, легитимировав субъективное впечатление, личный взгляд, внутреннее состояние художника как главное содержание. Без этого были бы невозможны экспрессионизм, сюрреализм и абстрактный экспрессионизм [4]. В-третьих, социальный сдвиг: рухнула академическая иерархия жанров, искусство открылось к современной жизни, к любым сюжетам, к эксперименту, что создало условия для плюрализма направлений – от фовизма до постмодернизма.

Проведенный анализ подтверждает, что влияние импрессионизма на XX век носило диалектический характер: каждое новое направление либо развивало его открытия (фовизм, экспрессионизм), либо преодолеvalo их через отрицание (кубизм, дадаизм). Фовисты радикализировали импрессионистическую свободу цвета, доводя его до полного отрыва от натуры. Кубизм, напротив, критиковал импрессионистов за «растворение формы» и вернул в живопись конструктивное начало, но при этом использовал их отказ от линейной перспективы как платформу. Однако в обоих случаях импрессионизм оставался той точкой отсчета, без которой ход модернистской эволюции был бы принципиально иным. Импрессионизм навсегда изменил язык визуальной культуры, доказав, что главное в искусстве – это не точность воспроизведения, а сила чувства, свежесть взгляда и право художника видеть мир по-своему.

Литература:

1. Ревалд Дж. История импрессионизма. – М.: Республика, 1995. – 415 с.
2. Вентури Л. От Мане до Лотрека. – М.: Искусство, 1958. – 380 с.
3. Шапиро М. Импрессионизм: проблемы и перспективы. – М.: Искусство, 1965. – 240 с.
4. Энциклопедия импрессионизма / под ред. Н. В. Котрелёва. – М.: Эксмо, 2018. – 520 с.
5. Демченко А.И. Метаморфозы импрессионизма на рубеже эпох // КиберЛенинка [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metamorfozy-impressionizma-na-rubezhe-epoch> (дата обращения: 20.06.2026).
6. Абстрактное искусство // Энциклопедия русского авангарда [Электронный ресурс]. – URL: <https://rusavangard.ru/online/history/abstraktnoe-iskusstvo/> (дата обращения: 20.06.2026).

CULTURAL HERITAGE OF ANCIENT INDIA: RELIGION, SOCIETY, ART, AND ARCHITECTURE

*Ibrahimova Nargiz Nagi,
Lecturer, Department of General History,
Ganja State University,
Ganja, Azerbaijan
ORCID ID: 0009-0003-8299-8117*

E-mail: ruqiyye.tagiyeva87@mail.ru

Abstract. Ancient Indian civilization developed a unique cultural system in which religion, social organization, art, music, dance, and architecture were closely interconnected. This study examines the historical development of Indian civilization from the Indus Valley Civilization to the Mughal period, highlighting the influence of religious beliefs, the caste system, urbanization, and artistic traditions. Particular attention is given to the Rigveda, the evolution of Indian music and dance, and the architectural achievements represented by Pataliputra, Agra Fort, Fatehpur Sikri, and the Taj Mahal. The findings demonstrate that the cultural heritage of Ancient India has preserved its continuity and continues to influence Indian civilization today.

Key words: Ancient India, Rigveda, Vedic Civilization, Caste System, Cultural Heritage, Indian Music, Indian Dance, Taj Mahal, Urban Planning, Indo-Islamic Architecture.

Introduction. Ancient Indian civilization emerged on the Indian subcontinent under the combined influence of its abundant natural resources and challenging geographical environment. Bordered to the north by the majestic Himalayan mountain range, the region was naturally separated from neighboring territories, creating favorable conditions for the development of a distinct civilization. Although the central part of the peninsula consists largely of a plateau, the fertile plains situated between the plateau and the mountains became the principal centers of human settlement and agricultural activity. The historical development of India was closely connected with two major river systems originating in the Himalayas—the Indus and the Ganges.

Methodology. Archaeological evidence demonstrates that the region was inhabited as early as the Stone Age. During the fourth and third millennia BCE, agricultural and pastoral communities were established in the Indus Valley. By the third and second millennia BCE, major urban centers such as Harappa in Punjab and Mohenjo-daro in Sindh flourished as prominent centers of the Indus Valley Civilization. The inhabitants of Ancient India were among the first to cultivate cotton,

SCIENCE TIME

sugarcane and rice and they also domesticated elephants for agricultural and economic purposes.

By the end of the second millennium BCE, the nomadic Aryan tribes migrated into northwestern India. Over time, they assimilated with the indigenous population and gradually adopted a sedentary way of life. This cultural integration contributed to the emergence of Sanskrit, which developed primarily on the basis of the Aryan language. Around the first millennium BCE, the introduction of iron technology facilitated the clearing of forests and the expansion of agricultural production. During the same period, the first states ruled by rajas (kings) began to emerge. One of the most significant periods in the history of Ancient India was the reign of Emperor Ashoka (268–231 BCE), who became the first ruler to unite almost the entire Indian subcontinent under a single political authority. The worldview of the ancient Indians was deeply rooted in reverence for nature. Rivers, the moon, the sun, and various plants were regarded as sacred and became objects of worship. Religious beliefs inherited from the Indo-Iranian cultural tradition were preserved in the Rigveda, the earliest and most authoritative sacred text of Vedic civilization. The Vedic pantheon was headed by Indra, the god of heaven and thunder; Agni, the deity of fire; and Surya, the sun god. In later periods, increasing religious significance was attributed to the Hindu trinity of Brahma, Vishnu, and Shiva, who eventually became the principal deities of classical Hinduism. Krishna, regarded as an incarnation of Vishnu, was revered both as the deity of love and as a courageous warrior portrayed in the epic Mahabharata. In Ancient India, social inequality possessed not only a social but also a profound religious dimension. According to Hindu belief, the god Brahma created humanity by dividing society into four varnas (castes). The Brahmins (priests), believed to have originated from Brahma's mouth, constituted the highest social class. The Kshatriyas (nobles and warriors), created from his arms, were responsible for governance and military affairs. The Vaishyas (farmers, merchants, and artisans), believed to have emerged from his thighs, were engaged in agriculture, trade, and craftsmanship. The Shudras (servants), created from Brahma's feet, occupied the lowest position within the caste hierarchy. Beyond this system were the so-called "Untouchables" (Dalits), who performed the most physically demanding and ritually impure occupations and were subjected to severe social exclusion.

Ancient Indians believed in the existence of an afterlife and the immortality of the soul. Initially, it was believed that the god Yama determined whether the deceased would enter heaven or hell. In later periods, however, the doctrine of reincarnation (samsara) became the dominant religious concept, emphasizing the continuous cycle of birth, death, and rebirth. As a response to the social inequalities reinforced by the caste system, Buddhism emerged in the sixth century BCE under the teachings of Prince Siddhartha Gautama (the Buddha). By proclaiming the spiritual equality of all human beings regardless of social status, Buddhism profoundly transformed the religious and cultural landscape of India. From the middle of the first millennium

BCE, urban development in India entered a new stage of growth. During this period, many large villages gradually expanded into important urban centers, while others were established through deliberate state planning. Ancient authors frequently expressed admiration for both the number and the scale of Indian cities. According to historical sources, Pataliputra, the capital of the Magadha Kingdom (located near present-day Patna), was regarded as one of the most remarkable metropolises of the ancient world. With a population approaching one million and covering an area of approximately 25–30 km², the city provides compelling evidence of the advanced level of urbanization achieved in Ancient India.

India's musical traditions possess a history spanning several millennia. Archaeological excavations at sites of the Harappan Civilization (third millennium BCE) have uncovered seals and pictographic representations depicting instruments resembling stringed and percussion instruments. In addition, bird-call instruments discovered in the Indus Valley indicate that music formed an integral part of everyday life in the region as early as the Bronze Age. During the Vedic period (second–first millennia BCE), the development of Indian art contributed significantly to the advancement of music and dance. The Shankha (conch shell) served both military and religious purposes, being used to signal battles and to mark the beginning and conclusion of sacred rituals. The Samaveda, dating to the second millennium BCE, is regarded as one of the earliest written collections of ritual chants and constitutes a fundamental source of Indian classical music.

Indian dance evolved as an integral component of religious beliefs and cultural traditions. Its symbolic and ritual character has remained remarkably consistent from antiquity to the present. The most prominent symbol of Indian dance is Nataraja, the dancing form of Shiva, whose iconography represents cosmic order, spiritual power, and the triumph over ignorance. The theoretical foundations of Indian dance were codified in the ancient treatises Bharata Natyashastra and Natya Shastra, which systematically described body movements, gestures (mudras), and facial expressions. As dance demanded extensive professional training, it became a specialized artistic profession, leading to the emergence of distinct communities of performers within Indian society.

Indian architecture reflects a rich heritage that spans from ancient rock-cut temples and sculptural monuments to the monumental imperial architecture of the Mughal period. A new stage of architectural development began with the establishment of the Mughal Empire in 1526, marked by significant achievements in urban planning, fortification, and monumental construction. Notable examples include the Agra Fort (1569–1584) and the planned city of Fatehpur Sikri, both of which illustrate the sophistication of Mughal architecture.

The finest example of Indo-Islamic architecture is the Taj Mahal, commissioned by Emperor Shah Jahan in memory of his wife, Mumtaz Mahal. Located in Agra on the banks of the Yamuna River, the complex comprises a mausoleum, mosque, guest

house, and formal gardens. Designed by a team of distinguished architects and craftsmen from across the Islamic world, the monument is renowned for its white marble construction, harmonious proportions, and intricate decoration with precious and semi-precious stones, making it one of the greatest architectural masterpieces in world history.

Conclusion. Ancient Indian civilization created one of the world's most enduring cultural traditions by integrating religion, philosophy, social organization, and the arts into a unified cultural system. Its achievements in urban planning, architecture, music, dance, and literature reflect a high level of cultural and intellectual development. The continuity of these traditions, from the Vedic period to the Mughal Empire, demonstrates the remarkable ability of Indian civilization to preserve and adapt its cultural heritage across different historical periods. Consequently, the cultural legacy of Ancient India remains an essential component of both Asian and world civilization.

References:

1. Talibzade, A. (2016). History of Eastern Theatre. Baku.
2. Aliyev, B. (2017). Ethnography of India. Baku.
3. Gerasimov, A. V. (1975). Culture of Ancient India. Moscow.
4. Huseynov, I., & Afandiyeva, N. (2009). Ancient World Culture. Baku.

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

*Исангулов Динислам Эразмович,
Казанский федеральный университет, г. Казань*

E-mail: isangulov.dinislam@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам сохранения культурного наследия в Республике Узбекистан. Рассмотрены ключевые направления деятельности государства в сфере охраны культурного наследия, международное сотрудничество в данной области и работа общественных организаций.

Ключевые слова: культурное наследие, Узбекистан, ЮНЕСКО, реставрация, нематериальное наследие.

Культурное наследие является важнейшей составляющей национальной идентичности любого народа, отражающей его исторический путь и духовные ценности. Республика Узбекистан обладает богатейшим историко-культурным наследием. Оно формировалось на протяжении веков благодаря географическому положению страны на Великом Шелковом пути. На территории государства расположены многочисленные памятники архитектуры и археологии, имеющие мировое значение. Отдельного внимания заслуживает нематериальное культурное наследие страны. Искусство керамики, жанр шашмаком и культура и традиции приготовления плова являются важной частью жизни узбеков.

На современном этапе вопросы сохранения культурного наследия приобретают все большую актуальность. Климатические изменения, процессы глобализации и антропогенные факторы вызывают деградацию наследия и ее утрату. В этой связи особую роль играет государственная политика Узбекистана, направленная на обеспечение сохранности объектов культурного наследия, их изучение, реставрацию и популяризацию среди населения и международного сообщества.

После обретения независимости в Узбекистане началось формирование нормативно-правовой базы, регулирующей охрану и использование объектов культурного наследия. На высшем уровне вопросы сохранения культурного наследия закреплены в Конституции Республики Узбекистан в редакции 2023 г. Статья 61 Конституции устанавливает, что граждане обязаны оберегать историческое, духовное, культурное, научное и природное наследие народа

Узбекистана, а государство обеспечивает его охрану и сохранение. Ответственность за сохранение культурного наследия возлагается не только на органы государственной власти, но и на каждого гражданина страны. Важнейшим этапом развития профильного законодательства стало принятие Закон Республики Узбекистан от 30.08.2001 г. № 269-II «Об охране и использовании объектов культурного наследия». Данный нормативно-правовой акт впервые комплексно урегулировал вопросы, связанные с выявлением, сохранением, реставрацией, использованием и государственной охраной объектов культурного наследия. Закон определил основные категории объектов культурного наследия, установил порядок их учета, закрепил полномочия государственных органов в данной сфере. Закон неоднократно дополнялся, что свидетельствует о постоянном развитии национального законодательства в соответствии с современными требованиями охраны культурного наследия. Следующим важным шагом стало принятие Закона Республики Узбекистан от 13 октября 2009 года № ЗРУ-229 «Об охране и использовании объектов археологического наследия». Необходимость принятия данного закона была обусловлена значимостью археологических памятников Узбекистана, связанных с древними цивилизациями Центральной Азии и коридорами Великого Шелкового пути. Закон установил правовые основы проведения археологических исследований, требования к осуществлению раскопок. Большое значение имело создание государственного кадастра археологических объектов. Значительное влияние на развитие национального законодательства оказала ратификация Узбекистаном основных международных конвенций в сфере сохранения культурного наследия. Страна является участником Конвенции ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 года и Конвенции об охране нематериального культурного наследия 2003 года. Имплементация положений данных международных документов способствовала совершенствованию национальных механизмов охраны памятников истории и культуры, а также сохранению традиций, народного творчества и ремесел. Важным пунктом стало вовлечение Узбекистана в международное сотрудничество в данной сфере.

Особое внимание в современной культурной политике Республике Узбекистан уделяется сохранению объектов материального культурного наследия. В последние годы государством реализуется комплекс мероприятий по реставрации, консервации и изучению памятников архитектуры, расположенных в исторических городах страны, таких как Самарканд, Бухара, Хива и Шахрисабз. Значимым событием стало завершение первого этапа реставрации фасада медресе Шердор в 2026 году. Объект входит в ансамбль Регистан в Самарканде, который входит в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО под названием «Самарканд – перекресток культур». Реставрация стала частью государственного проекта, направленного на сохранение исторической части города. Повышенный интерес вызывает сохранение памятников эпохи Тимуридов. Согласно постановлению Президента Республики Узбекистан, в 2024 году были инициированы проекты по разработке реставрационной документации для архитектурного комплекса Биби-Ханым в Самарканде, а

также созданию музея «Великий Шелковый путь». Программа направлена на обеспечение сохранности архитектурных памятников и совершенствованию туристической инфраструктуры города. Сохранение исторического центра Бухары также является важным направлением государственной политики. В 2024 году началась разработка комплексного мастер-плана и плана управления историческим центром Бухары. Документы предусматривают регулирование градостроительной деятельности в буферных зонах, внедрение современных методов мониторинга состояния объектов культурного наследия и развитие устойчивого культурного туризма. Сохранение исторического центра Шахрисабза в последние годы привлекало внимание всего международного сообщества. Объект, включенный в Список Всемирного наследия, оказался под угрозой исключения из Списка ввиду постепенной утраты целостности. Однако благодаря предпринимаемым Узбекистаном мерам, а также активному сотрудничеству национальных органов с Центром всемирного наследия ЮНЕСКО и ICOMOS, в июле 2025 года Комитет всемирного наследия ЮНЕСКО принял решение о сохранении объекта в Списке Всемирного наследия.

Наряду с охраной объектов материального культурного наследия важнейшим направлением государственной культурной политики Республики Узбекистан является сохранение нематериального культурного наследия. Оно представляет собой совокупность традиций, обычаев, знаний, навыков и форм культурного самовыражения, передаваемых из поколения в поколение. Значимость данного направления обусловлена тем, что нематериальное культурное наследие выступает важным фактором сохранения национальной идентичности, исторической памяти и культурного многообразия общества. Нематериальное наследие Узбекистана включает традиционную музыкальную культуру, устное народное творчество, празднично-обрядовые практики, народные игры и ремесла. Основой государственной деятельности в данной сфере является система учета и аудиовизуального документирования элементов духовного наследия. В соответствии с рекомендациями ЮНЕСКО в стране ведется работа по формированию национальных реестров и каталогов объектов нематериального культурного наследия, осуществляется их научное описание, а также подготовка номинационных досье для предоставления в международные организации. Особое внимание уделяется передаче культурных традиций молодому поколению. Нематериальное наследия, несмотря на его документирование, существует только при его воспроизводстве. Именно по этой причине важно обеспечивать непрерывность передачи знаний от одного поколения к другому. Для этого в Узбекистане регулярно проводятся международные фестивали и культурные форумы, мастер-классы, направленные на популяризацию традиционного искусства. Среди наиболее известных следует отметить Международный фестиваль маком в Шахрисабзе и фестиваль «Байсун бахори», посвященный сохранению уникального культурного пространства Байсунского района. Существенную роль играет государственная поддержка традиционных ремесел. Исторически на территории сложились уникальные школы керамики, ковроткачества, резьбы по дереву и обработке металла.

Международным признанием проводимой политики стало включение в 2017 году Маргиланского центра развития ремесел в Реестр лучших практик ЮНЕСКО по сохранению нематериального культурного наследия за деятельность по сохранению традиционных технологий изготовления тканей атлас и адрас.

Несмотря на достигнутые успехи, сфера сохранения культурного наследия в стране сталкивается с рядом вызовов. Одной из наиболее актуальных проблем является воздействие процессов урбанизации на исторические города страны. В последние десятилетия Самарканд, Бухара и Шахрисабз переживают интенсивное развитие городской инфраструктуры, связанное с ростом населения, расширением транспортной сети и развитием туристической индустрии. Однако реализация градостроительных проектов нередко создает угрозу сохранению исторической городской среды. В своих докладах ЮНЕСКО неоднократно отмечала необходимость более эффективного регулирования нового строительства в исторических центрах Бухары и Самарканда, а также интеграции планов городского развития с задачами охраны культурного наследия. Согласно оценкам Центра всемирного наследия ЮНЕСКО, угроз для исторического центра Бухары остается деградация традиционных жилых домов, использование современных строительных материалов при реставрации, а также недостаточная координация реставрационных мероприятий. Аналогичные проблемы были зафиксированы и в Шахрисабзе, где ранее масштабные проекты благоустройства привели к сносу значительной части исторической жилой застройки, что стало основанием для включения объекта в Список всемирного наследия, находящегося под угрозой. Другим важным вызовом является антропогенное воздействие на памятники истории и культуры. Рост туристических потоков, увеличение транспортной нагрузки, инженерные коммуникации и хозяйственная деятельность оказывают существенное влияние на состояние объектов культурного наследия. В отношении Самарканда эксперты ЮНЕСКО отмечают необходимость более тщательного контроля за развитием туристической инфраструктуры и сохранением исторического городского ландшафта. Сохраняется также проблема совершенствования механизмов мониторинга состояния объектов культурного наследия. Одной из причин возникновения рисков является недостаточная полнота информации и систематического наблюдения за состоянием исторических объектов. Международный проект ЮНЕСКО по созданию геоинформационных баз данных для Самарканда, Бухары и Хивы показал, что отсутствие комплексной документации и единой системы мониторинга существенно осложняет разработку долгосрочных стратегий сохранения объектов культурного наследия. Отдельного внимания заслуживает проблема нехватки квалифицированных кадров. Для эффективного сохранения культурного наследия необходимы специалисты в области архитектурной реставрации, археологии, музееведения, консервации исторических материалов и управления объектами Всемирного наследия. Вместе с тем ЮНЕСКО в своих оценках состояния объектов Всемирного наследия Узбекистана неоднократно указывала на ограниченное

количество подготовленных специалистов и необходимость повышения квалификации технического персонала, участвующего в охране и реставрации памятников. В частности, в докладах по Самарканду среди факторов риска отдельно выделяется недостаточное число подготовленных специалистов и экспертов по управлению объектами Всемирного наследия. Дополнительным фактором риска для сохранения культурного наследия в Узбекистане становятся климатические изменения. Повышение среднегодовых температур, процессы опустынивания и засоления почв оказывают негативное воздействие на состояние исторических сооружений, выполненных из сырцового кирпича и других традиционных материалов.

Таким образом, сохранение культурного наследия является одним из приоритетных направлений государственной политики Республики Узбекистан. На современном этапе в стране реализуются масштабные программы по охране, реставрации и популяризации объектов материального и нематериального культурного наследия. Значительную роль в этом процессе играет международное сотрудничество, прежде всего взаимодействие с ЮНЕСКО и другими международными организациями. Дальнейшее совершенствование системы охраны культурного наследия, несмотря на вызовы, будет способствовать укреплению национальной идентичности, развитию культурного туризма и сохранению уникального наследия Узбекистана для будущих поколений.

Литература:

1. Для охраны исторического центра Бухары разработают мастер-план // Курсив медиа. – 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uz.kursiv.media/2024-03-16/dlya-ohrany-istoricheskogo-czentra-buhary-razrabotayut-master-plan/> (дата обращения: 10.06.2026).
2. Закон Республики Узбекистан от 13.10.2009 г. № ЗРУ-229 «Об охране и использовании объектов археологического наследия» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/ru/docs/1526179> (дата обращения: 10.06.2026).
3. Закон Республики Узбекистан от 30.08.2001 г. № 269-II «Об охране и использовании объектов культурного наследия» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/10375> (дата обращения: 10.06.2026).
4. Завершен первый этап реставрации фасада медресе Шердор на площади Регистан // YUZ. – 2026. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yuz.uz/ru/news/zavershen-pervy-etap-restavratsii-fasada-medrese-sherdor-na-ploadi-registan> (дата обращения: 11.06.2026).
5. Конституция Республики Узбекистан // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/6445147> (дата обращения: 10.06.2026).

6. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия // Организация Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (дата обращения: 10.06.2026).

7. Конвенция об охране нематериального культурного наследия // Организация Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 10.06.2026).

8. Сохранен статус Шахрисабза в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО // Society.uz. – 2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://society.uz/ru/news/detail/news/2287> (дата обращения: 11.06.2026).

9. Усмонов М. Конституционное регулирование охраны исторического, духовного и культурного наследия народа Узбекистана // ОИИ. – 2021. – № 8/S. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-regulirovanie-ohrany-istoricheskogo-duhovnogo-i-kulturnogo-naslediya-naroda-uzbekistana> (дата обращения: 11.06.2026).

10. Culture in Uzbekistan // UNESCO. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.unesco.org/en/articles/culture> (дата обращения: 10.06.2026).

11. Historic Centre of Bukhara // UNESCO World Heritage Centre. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://whc.unesco.org/en/soc/4749> (дата обращения: 11.06.2026).

12. Margilan Crafts Development Centre, safeguarding of the atlas and adras making traditional technologies // UNESCO Intangible Cultural Heritage. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://ich.unesco.org/en/state/uzbekistan-UZ?info=elements-on-the-lists> (дата обращения: 11.06.2026).

13. UNESCO. Climate Change and World Heritage: Report on Predicting and Managing the Impacts of Climate Change on World Heritage. – Paris : UNESCO World Heritage Centre, 2007. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://whc.unesco.org/en/climatechange/> (дата обращения: 10.06.2026).

14. UNESCO World Heritage Centre. State of Conservation of Historic Centre of Bukhara (Uzbekistan), 2021. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://whc.unesco.org/en/soc/4092/> (дата обращения: 11.06.2026).

15. UNESCO World Heritage Centre. State of Conservation of Historic Centre of Bukhara (Uzbekistan), 2025. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://whc.unesco.org/en/soc/4749> (дата обращения: 11.06.2026).

16. UNESCO World Heritage Centre. State of Conservation of Samarkand – Crossroad of Cultures (Uzbekistan), 2025. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://whc.unesco.org/en/soc/4750> (дата обращения: 11.06.2026).

17. UNESCO World Heritage Centre. State of Conservation of Historic Centre of Shakhrisabz (Uzbekistan), 2023. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://whc.unesco.org/en/soc/4313/> (дата обращения: 10.06.2026).

18. Uzbekistan. Elements on the Lists of Intangible Cultural Heritage // UNESCO Intangible Cultural Heritage. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://ich.unesco.org/en/state/uzbekistan-UZ> (дата обращения: 11.06.2026).

APPLICATION OF PAINTING THERAPY IN MENTAL HEALTH EDUCATION ACTIVITIES FOR MIDDLE SCHOOL STUDENTS

Chen Yuechao,
Perm State Humanitarian Pedagogical University, Perm

E-mail: 2524967980@qq.com

Zheng Qin,
Beijing Institute of Graphic Communication
Beijing, China

E-mail: 2201615990@qq.com

Abstract. The article discusses the practical application of painting therapy in middle school students' mental health education. First of all, the importance of mental health education for junior high school students is analyzed, the core ideas and principles of painting therapy are briefly expounded, and the practical application value of painting therapy in this context is studied. The article also provides the analysis of the application strategies of painting therapy in the mental health education of junior high school students.

Key words: painting therapy, mental health, middle school.

In the modern school education system, mental health education holds a pivotal position, particularly for middle school students, where its importance cannot be overstated. It not only plays a crucial role in fostering students' sound values and outlook on life but also directly promotes their holistic physical and psychological development and healthy growth. Firstly, mental health education significantly enhances middle school students' emotional cognitive abilities and helps strengthen their capacity for emotional self-regulation. Given that adolescents are in a transitional phase characterized by significant emotional fluctuations and heightened susceptibility to external influences, implementing mental health education is especially critical. By teaching students effective emotional management techniques and guiding them to gain deeper insight into their own emotions, we can effectively assist them in mastering emotional regulation and thereby improving their emotional stability. Furthermore, mental health education fosters students' interpersonal communication skills. Middle school students undergo a period of rapid development in social skills; they need to acquire effective communication techniques with peers and develop the ability to manage interpersonal relationships appropriately. Through diverse educational approaches such as role-playing and group discussions, we can help students enhance their interpersonal skills and thereby improve their social competence.

Painting therapy may be viewed as means of mental health activities for middle school students. Painting therapy employs painting as a therapeutic tool, grounded in theories of psychoanalysis and visual cognition, and relies on the trust relationship between therapist and patient. By integrating educational approaches, psychodynamic techniques, cognitive methods, and interpersonal therapy, it analyzes patients' artwork to alleviate emotional distress, address psychological issues, reduce anxiety, and facilitate identity integration.

The core principles of art therapy encompass three key aspects. First, artistic creation facilitates natural emotional expression and psychological balance adjustment. Through painting, artists can articulate deep-seated emotions and conflicts, thereby release stress and mitigate negative feelings. Second, abstract self-awareness is transformed into tangible imagery. As a visual medium, painting reveals rich information from both the subconscious and deeper mental layers; artists convert abstract concepts into visual forms, enabling effective psychological healing. Utilizing abundant visual symbols, paintings convey messages intuitively and clearly, surpassing the expressiveness of text alone. Artistic practice helps individuals deepen their understanding by concretizing abstract ideas and transforming intangible concepts into visible forms. In mental health education during middle school under teachers' guidance, employ free drawing therapy to express their inner feelings and stress through artistic means, followed by self-analysis of their artwork [5]. This approach helps them gradually overcome psychological distress and cultivate a positive mindset. By analyzing students' drawings, teachers can gain insights into their personality traits and emotional states, enabling them to provide more personalized psychological counseling.

At present, there are still many aspects in China that require further development in the advancement of art therapy, and research and discussion on integrating art therapy into school art education practices remain at an early stage. Lu Yaqing thoroughly examines the relationship between art education and art therapy. She argues that both approaches are grounded in a student-centered educational philosophy and utilize children's evolving perspectives during the painting process as their foundation. She also emphasizes the importance of conveying visual and emotional messages through artistic creation [3]. The mental health education curriculum primarily employs scenario-based teaching methods [4].

The course commences with students preparing brushes and blank paper for artistic creation. The instructor begins by conducting a Q&A session to assess their current mental state, followed by viewing self-portraits by renowned artists and peers. He then explains the concept of self-portraiture and guided students through analysis to interpret its significance. Before starting painting, he advises students to close their eyes and take deep breaths to relax mentally and physically, gradually entering a creative state. Upon completion of their self-portraits, an interactive session was arranged where the instructor provides detailed critiques, analyzing emotional expression and examining the works from multiple perspectives. Guiding students to recall relevant life scenarios and discuss the connection between these scenarios and

the artwork. This helps them better understand the emotions and meaning behind the painting, fosters emotional resonance, and encourages them to share personal stories or experiences. When delving into art therapy, providing an overview of relevant psychological concepts helps students develop a more comprehensive and systematic understanding of the close relationship between painting and psychology. Throughout this process, the instructor must recognize that each student's psychological state is unique and complex [1]. Therefore, when interpreting artwork, the teacher should fully account for individual differences among students and avoid making generalizations. Instead of imposing a fixed interpretation on students, the teacher should engage in deep dialogue with them to jointly explore the profound meanings embedded within the artwork.

This analytical process not only enables students to better understand their inner world but also helps them recognize the significant role that painting plays in fields such as psychotherapy and psychological counseling. Through this learning approach, students will gain a deeper appreciation of the charm and value of psychological painting.

Fig. 1

Student X. completed a relatively comprehensive artwork (see Picture 1). After the painting was finished, an analysis of the artwork revealed the following personality traits: abundant energy, enthusiasm and boldness, strong emotional needs, high ambition and curiosity, a love for fantasy, rich imagination, and a focus on inner worlds. However, they sometimes act impulsively or let emotions override rational judgment; after setbacks, they often experience deep regret or even depression. They expressed hope that others would recognize their self-affirmation and appreciation, and view the world through an emotional lens. The student is easily influenced by external factors, rarely listens to others' opinions, exhibits dependency on others while simultaneously seeking strong autonomy, and values personal appearance and self-esteem. During further discussion, it emerged that the student possesses a rich inner world, enjoys family support, and centers household decisions around themselves. Yet

SCIENCE TIME

they tend to act emotionally and frequently encounter conflicts with friends and classmates. The teacher advised them to learn patience in listening to friends, avoid prioritizing personal needs at the expense of others, cultivate tolerance, and resolve issues through communication. The student acknowledged that after hearing feedback, they realized their daily interactions with friends were limited, and minor disputes often arose without thorough understanding of root causes. Following the self-portrait analysis, they expressed willingness to accept the teacher's suggestions and strive to communicate more with friends to resolve conflicts [2].

Through this workshop, many students reported gaining deeper insights into their inner world and emotions following the self-portrait course. They began paying attention to their internal feelings and thoughts, attempting to express these intangible states through painting. This enhanced self-awareness helped them better understand themselves, fostering greater self-acceptance and self-esteem. Some students noted that painting revealed previously unnoticed emotions or ideas, further improving their emotional expression. The process of creating artwork provided a sense of emotional release and catharsis, effectively alleviating stress and anxiety. While some students found the guidance highly beneficial, others perceived limited effectiveness—a variation likely influenced by individual experiences, personality traits, specific challenges, as well as the instructor's skills and expertise. Therefore, counseling sessions should comprehensively consider multiple factors and involve thorough communication and discussion with participants.

In the implementation of mental health education for middle school students, art therapy has demonstrated unique value. As a widely applicable, highly practical educational approach, it provides an effective means for adolescents to cope with the confusions and pressures they face during adolescence. Specifically, through creating self-portraits, students can express their emotions freely in an uninhibited environment and alleviate inner distress. During the painting process, they channel their emotions into colors, lines, and shapes, thereby projecting and expressing their feelings. This emotional expression not only helps students gain deeper insight into their inner world and reduce emotional burdens, but also enables them to observe their physical features, posture, and facial expressions more closely, leading to a more comprehensive self-awareness.

Although painting psychology has undergone extensive development over time, its practical application in junior high school art education remains at an early stage. Current research in this field is progressively deepening, indicating that numerous innovative concepts and methods await exploration and implementation by art educators. This ongoing advancement will provide more comprehensive and effective support for mental health education among middle school students.

Литература:

1. Ding Zhilong. Application of Art Therapy in the Mental Health of Middle School Students // Guangxi Education. 2020. № 18. P. 96–98.
2. Geng Xifeng, Ma Lizhi, Yang Guangzhu. Positive Psychology and the Evaluation of Positive Traits in Children and Adolescents // Journal of Social Science of Jiamusi University. 2020. Vol. 38, № 6. P. 205–208.
3. Lu Yaqing. Art Therapy – Painting Interpretation: From Fine Arts to Children's Inner World. Chongqing : Chongqing University Press, 2013. 250 p.
4. Ma Shufen. Practical Application of Art Therapy in the Mental Health Work of Middle Schools // Mental Health Education in Primary and Secondary School. 2023. № 32. P. 70–73.
5. Ye Shuchang. Teaching Practice in Psychological Counseling Classes Based on Art Therapy // Mental Health Education in Primary and Secondary School. 2023. № 33. P. 23–27.

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ

*Гундобина Севиль Хабибовна,
Школа № 1234, г. Москва*

E-mail: zarema_habibovna@mail.ru

Аннотация. Обучение английскому языку учащихся начальной школы является актуальной проблемой для отечественной образовательной практики. Согласно современным подходам эффективность процесса обучения английскому языку в младшем школьном возрасте определяется готовностью и желанием детей участвовать в межкультурном общении на изучаемом языке. Определены особенности изучения английскому языку в начальных классах, где закладываются основы для развития у учащихся интереса к культурному многообразию мира, уважения к языкам и культурам других народов, а также для развития первых представлений о нормах поведения в странах изучаемого языка «открытия» возможностей английского языка как средства общения в мире. Тем самым обучение иностранному языку должно способствовать становлению личности ребёнка, максимально развивать его потенциал, давать ему инструмент для иноязычного общения и взаимодействия.

Ключевые слова: учащиеся начальной школы, обучение иностранному языку, индивидуальный подход, развивающее обучение.

Введение. Необходимость общаться не на одном языке, а на нескольких языках является продуктом процесса различных экономических, культурных, политических и других отношений разных этнических групп. Цели удовлетворения потребностей людей в пище и обеспечении их безопасности привели к изменениям в местах их проживания. Социальные отношения тесно связаны с природой и сферой обмена информацией. Именно общество и язык взаимно играли важную роль в развитии друг друга и являлись стимулирующим фактором его развития. Языковые отношения сформировали потребность в понимании и осмыслении материализованных частей языка в процессе общения.

Изложение основного материала. Обучение английскому языку учащихся начальной школы является актуальной проблемой для отечественной образовательной практики. Следует отметить, что общество не удовлетворено уровнем языковой подготовки учеников средней школы, что детерминирует разработки новых подходов обучения иностранному языку. В настоящий момент обучение иностранным языкам рассматривается как одно из приоритетных

направлений модернизации школьного образования. Основные преимущества раннего обучения иностранному языку:

- положительное влияние на общие речевые способности ребёнка;
- более раннее вхождение ребёнка в общечеловеческую культуру через общение на новом для него языке,
- положительное влияние на развитие различных психических функций (память, мышление, восприятие, воображение),
- повышение качества владения родным языком, создание базы для продолжения его изучения в основной школе.

Успешное и быстрое овладением иностранным языком возникает в случае, когда английский язык выполняет в жизни ребёнка те же социальные функции, что и первый язык, например, необходимость играть с иноязычным партнёром, общаться с бабушкой, которая говорит на английском языке и т. д. Анализ существующей практики обучения позволяет выдвинуть новые требования к построению обучения у школьников начальной школы иностранным языкам.

Специалисты, ученые едины в подходе к требованиям о том, что язык должен усваиваться ребенком осознанно, обучение ни в коем случае не должно превращаться в имитационный процесс; дети должны овладевать иностранным языком как средством общения, и все компоненты обучения (отбор и подача языкового материала, содержание действий по его реализации) необходимо подчинить коммуникативной цели. Подчеркивалась также необходимость достижения развивающего эффекта курса английского языка, то есть не просто опора на сложившиеся понятия, навыки и умения, а их развитие и формирование новых психических качеств [1].

Реализация этих требований предполагает адекватную психолого-педагогическую организацию деятельности (точнее, взаимодействия) педагога и детей в процессе обучения.

В современных школах особенности организации учебного процесса по изучению иностранного языка на начальной ступени образования заключаются в том, что:

- учителю необходимо стремиться, чтобы занятия проходили на основе индивидуального подхода в условиях коллективных форм обучения;
- учитель должен предложить такой способ усвоения знаний, который был бы направлен специально на развитие ребёнка, а не в ущерб ему.

В этой связи особенно важно, чтобы каждый ребёнок был главным действующим лицом на уроке, чувствовал себя свободно и комфортно, принимал активное участие в обсуждении тем урока. Тем самым не только знания и навыки владения языковым материалом определяют эффективность процесса обучения английскому языку в младшем школьном возрасте, но, прежде всего, готовность и желание детей участвовать в межкультурном общении на изучаемом языке. Это возможно, если основной формой школьной деятельности будет не слушание, говорение, чтение или письмо на английском языке, а живое, активное общение с учителем и друг с другом [2; 3].

Суть такой организации педагогического процесса заключается в том, чтобы сделать ребёнка своим соратником в его обучении и воспитании,

настроить его на педагогическое влияние, сохранить за ним переживание чувства свободного выбора. При этом каждый учащийся должен чувствовать веру в свои способности, испытывать радость за успехи. При неудачах необходимо помочь школьнику осмыслить их, оценить их как временные трудности, которые можно преодолеть, увидеть пути своего дальнейшего продвижения и успеха.

Приоритетным в начальной школе является воспитательный и развивающий аспект обучения предмету. Иностранный язык вводит учащихся в мир другой культуры, ориентирует их на формирование навыка и умения самостоятельно решать простейшие коммуникативно-познавательные задачи в процессе говорения, чтения и письма, формирует такие качества личности, как инициативность, умение работать в коллективе, умение защищать свою точку зрения и устойчивый интерес к изучению предмета. При изучении иностранного языка, в связи с его особой фонетикой, важно то, каким голосом преподаватель произносит слова и фразы и какое при этом выражение его лица. Безусловно, голос преподавателя должен быть добрым, располагающим к общению, а выражение лица должно соответствовать тону, который должен быть интригующим, доверительным, или серьезным, деловым, выражающим радость встречи, вселяющим успех. Комфортность взаимодействия детей во время общения на английском языке во многом зависит от того, как используются различные организационные формы обучения.

Наряду с широко применяемой фронтальной и индивидуальной работой необходимо более активно внедрять в учебный процесс и другие формы: групповые, коллективные, а также проектные [4].

Для успешного прохождения процесса обучения иностранному языку необходимо создать мотивы каждого речевого и неречевого действия детей как при обучении средствам общения, так и деятельности общения. Дети должны видеть результаты практического применения иностранного языка. Ученик, при традиционном подходе к обучению, чаще всего не имеет возможности воспользоваться на практике своими знаниями.

Устранить этот недостаток можно с помощью приёмов проектной методики, которая строится на следующих принципах:

- формулировка конкретной цели, направленная на достижение не «языкового», а практического результата;
- получение каждым учеником или группой учащихся конкретного задания, нацеленного на выполнение практического внеязыкового действия с помощью языка;
- обоюдная ответственность учащихся и учителя за результаты работы;
- самостоятельное выполнение учащимися полученного задания и помощь учителя в случае необходимости [5].

Опираясь на опыт учителей-практиков, можно отметить, что современный урок должен:

- строиться в соответствии с избранной учителем системой обучения;
- планироваться с учётом коммуникативной направленности, которая должна его пронизывать в ходе реализации практической цели обучения иностранному языку;

- обеспечивать комплексное осуществление воспитательной, образовательной и развивающей целей;
- иметь благоприятный психологический климат для изучения языка;
- вызывать у учащихся мотивацию изучения английского языка за счёт вовлечения каждого в активную речемыслительную деятельность по овладению языком, затрагивая при этом и эмоциональную сферу обучаемого;
- оснащаться необходимыми средствами, которые позволяют создавать учебные ситуации и использовать естественные ситуации для развития устной речи и помогают в обучении чтению и письму;
- включать разнообразные обучающие игры, чтобы снимать усталость и напряжение [6].

Заключение. Таким образом, обучение иностранному языку в начальных классах средней общеобразовательной школы направлено на воспитание и развитие детей средствами предмета на основе и в процессе практического овладения языком как средством общения. С помощью иностранного языка в начальных классах закладываются основы для последующего изучения иностранных языков в средней школе, для формирования учебных умений, для развития у учащихся интереса к культурному многообразию мира, уважения к языкам и культурам других народов, а также для развития первых представлений о нормах поведения в странах изучаемого языка, для «открытия» возможностей английского языка как средства общения в мире. Тем самым обучение иностранному языку должно способствовать становлению личности ребёнка, максимально развивать его потенциал, давать ему инструмент для иноязычного общения и взаимодействия.

Литература:

1. Гальскова Н.Д., Никитенко З.И. Процесс обучения иностранным языкам в начальной школе. Английская литература в школе. 1994;
2. Еловская С.В., Алексеева Е.Ю. Психолого-педагогические условия обучения школьников иностранному языку посредством информационно-коммуникационных технологий // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2016. №2 (2). С.12-14.
3. Еловская С.В., Илюхин А.А. Обучение иностранному языку школьников старших классов на основе событийно-деятельностного подхода // Актуальные проблемы науки и образования: сборник статей по итогам научно-исследовательской и инновационной работы Социально-педагогического института ФГБОУ ВО Мичуринский ГАУ. Мичуринск. 2017. С.48-52.
4. Минский Е. М. От игры к знаниям: развивающие и познавательные игры мл. школьников. Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1982. 192 с. Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. Москва, 1991
5. Беляева О.Н. Особенности обучения английскому языку в начальной школе. Иностранный язык в школе. 2010; 1.
6. Пелеванюк Е.Н. Английский язык в начальной школе: особенности обучения Available at: <https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web>.

ORGANIZING INDEPENDENT STUDENT WORK IN THE FINE ARTS PROGRAM

*Кирьянова Ольга Александровна,
Байкальский государственный
университет, г. Иркутск*

E-mail: s-slon@bk.ru

Abstract. This article examines the types and forms of independent student work used at the university and ways to enhance the creative independent work of future specialists in culture and the arts. The article examines the organization of independent work from the perspective of enhancing creative abilities and art history skills.

Key words: forms of independent student work; activating independent work; competency-based approach; assignments for independent student work.

The higher education system is in a state of continuous self-analysis, change, and reform. Experimental, interactive, and game-based approaches and methods are being introduced into traditional teaching methods and forms, but the role of independent student work in learning academic material remains relevant and crucial. Therefore, higher education instructors must create specific pedagogical conditions and a clear system for independent work in each subject for students to stimulate processes of analysis, comparison, reflection, interpretation, and exposition, with the goal of developing sustainable professional skills and abilities.

There are various definitions of the concept of "independent student work." E.A. Golant views independent work as a manifestation of independence, which is expressed in organizational, technical, cognitive, and practical activities. P.I. Pidkasisty believes that independent work is a didactic tool used to facilitate the learning process, based on teacher assignments, but performed independently. This facilitates the acquisition, consolidation, and refinement of knowledge and the corresponding skills and abilities that comprise the core content of specialist training [9, p. 45]. We rely on the following definition provided by B.P. Esipov: "Independent work... is work that is performed without the direct participation of a teacher, but at their instruction and during a time specifically allocated for this purpose" [2, p. 15].

Summarizing the definitions provided by various researchers, we can conclude that independent work by students is an individual or collective activity carried out by students at the instruction of a teacher during free time or during class, but without the direct guidance and supervision of a teacher. We will examine and describe specific

SCIENCE TIME

assignments for independent work by students majoring in Fine Arts.

In their first year, students are immersed in the study of art theory through the course "Introduction to Art History." One of the first independent work assignments students are given is an analysis of Boris Pasternak's poem "It's Ugly to Be Famous." This assignment must be completed in the form of an essay or free reflection, and must answer the following questions: Why is it shameful and unattractive to "be a byword"? Why does the author suggest we should not distinguish between defeat and victory, and which character should we not renounce? And can this poem be called a manifesto for a creator, a creative individual, an artist? Students write their thoughts either in class or during free time, and the instructor begins the next practical lesson in "Introduction to Art History" with a discussion of the poem, inviting students to voice their answers and explain why they do so. Listening to each other, students ask new questions of themselves, the instructor, and each other, which involves developing the ideas outlined in the essay, expanding their understanding of the possibility of different interpretations of the poet's intentions and specific lines, and engaging in meaningful student communication on the given topic. Subsequently, assignments for independent student work are structured according to the curriculum and subject matter, with a constant emphasis on mandatory independent conclusions on the chosen topic of the presentation or report.

In the third year of the course "Theory of Photography and Video Art," students are asked to complete the following assignments: a presentation-story "The Photograph That Shook the World," a game-based assignment "If I Were a Photographer, I Would Shoot in the Genre...," a presentation "My Personal Photo Exhibition," and a visual video art work "The Most Important Thing You Can't See with Your Eyes."

In completing the first assignment, "The Photograph That Shook the World," students search for photographs that have made history or that were the first to confirm, refute, or reveal unique facts or circumstances, or that astonished humanity. In class, students discuss the history of photography, the circumstances of the shoot, the personality of the photographer, the public resonance resulting from the publication of the photograph in the media, and the role of photography in human understanding of the world around us and ourselves.

The "If I Were a Photographer, I Would Shoot in the Genre..." activity: Students, imagining themselves as professional photographers, select from among the various photography genres those that interest them most and describe their specific characteristics in the first person. The students' written text is supported by a presentation featuring photographs from the chosen genre.

The "My Personal Exhibition" presentation involves a selection of 10 or more original photographs taken by the student at different times or specifically for this independent assignment. The student discusses their experience as an amateur or professional photographer, analyzes the compositional techniques and expressive means used in the photographs they selected from their photo archive, incorporates knowledge gained in class into their presentation, and draws on this knowledge in

SCIENCE TIME

their analysis of the selected photographs, exploring photography as a profession and as an art form. The video art project "The Most Important Thing You Can't See with Your Eyes" is one of the final independent assignments for students in the course "Theory of Photography and Video Art." Students must independently film and edit a video, or leave it running nonstop, but do so in a way that conveys the core concept, context, and meaning of video art as a form of contemporary art. This could be a topical issue, a memory, a memorable event that left a mark on the student's soul and memory, or an exploration of state, mood, atmosphere, natural phenomenon, musical or pictorial work through the visual language of video.

In the final two assignments, the student acts as an author, an artist in the broad sense of the word, a transmitter of important meanings. These assignments help students not only better understand the specifics of photography as an art form but also immerse themselves in the psychology of creativity, becoming an author, a creator, a creative individual not in their dreams, but in reality.

In the course "Film Theory in the Humanities," an interesting example of an independent assignment is the riddle-like assignment "Georges Polti's 36 Plots." Students are introduced to all 36 plots and the specifics of their construction in film during lectures. As independent work and to reinforce their understanding of the lecture, they analyze the plots of famous and popular films, write examples with brief plots, and explain why they chose these examples for all of Polti's riddle-like plots.

The riddle-like assignment "Loglines in the Studio!": Students must write loglines for famous and popular films. A logline is an extremely short, condensed summary of the film's essence, designed to intrigue the viewer or producer by conveying the film's main idea, introducing the protagonist, and the main conflict without mentioning the denouement. Students practice conveying the main components of the film's concept in a logical, intriguing, and professional manner, thereby learning to see the structure, context, and essence of a film beyond the plot.

Independent student work, with the public presentation of answers, messages, presentations, and videos, should become a core practice in higher education today. With the widespread use of artificial intelligence and various neural networks for generating texts, including art and scientific texts, based on a pre-planned curriculum, it is necessary to intensify student independent work in classrooms in a way that eliminates the possibility of using readily available internet sources. Teachers should create a system of independent work for their subject, prepare assignments, and develop assessment criteria that discourage students from copying or plagiarizing information and presenting it as their own. Instead, they should develop an interest in self-reflection and expressing their ideas and internal responses when independently completing assignments.

Литература:

1. Архангельский С. И. Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы: учебное пособие / С. И. Архангельский. Москва: Высшая школа, 1980. 368 с.
2. Загвязинский В. И. Теория обучения: современная интерпретация: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. И. Загвязинский. Москва: Академия, 2001. 192 с.
3. Кирьянова, О. А. Деловая игра как фактор раскрытия личностного потенциала студента вуза / О. А. Кирьянова // Психологические проблемы современного образования и пути их решения : Материалы VIII общероссийской онлайн-конференции психологов образования Сибири, Иркутск, 20-21 июня 2024 года. – Иркутск, 2024. – С. 100-103. – EDN WLQGAV.
4. Кирьянова, О. А. Педагогические условия подготовки будущих режиссеров к деятельности в социально-культурной сфере : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Кирьянова Ольга Александровна. – Иркутск, 2008. – 19 с. – EDN NJGCOF.
5. Кирьянова, О. А. Педагогические принципы проведения учебной деловой игры / О. А. Кирьянова // Научные достижения и разработки современности: проблемы, пути совершенствования : материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 25 августа 2023 года / Автономная некоммерческая организация «Национальный исследовательский институт дополнительного профессионального образования» (АНО «НИИ ДПО»). – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Манускрипт", 2023. – С. 35-37. – EDN WLVYNA.
6. Карпенко М. П. Перспективы развития системы высшего образования на основе «Концепции вуза – 2030» / М. П. Карпенко // Вестник РЕАН. 2005. Т. 5. № 3. С. 27-34.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. Москва: Политиздат, 1975. 304 с.
8. Пидкасистый П. И. Сущность самостоятельной работы студентов и психолого-дидактические основы ее классификации / П. И. Пидкасистый // Проблемы активизации самостоятельной работы студентов: межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Изд-во Перм. техн. ун-та, 1979. С. 23-34.
9. Шехмирзова А. М. Самостоятельная работа студентов в условиях многоуровневой подготовки специалистов / А. М. Шехмирзова // Шехмирзова Анжела Мухарбиевна Самостоятельная работа студентов в условиях многоуровневой подготовки специалистов // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. №3.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПРОЕКТИРОВАНИЮ ПРОГРАММ РАЗВИТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

*Старинская Анна Романовна,
Балтийский федеральный университет имени
Иммануила Канта, г. Калининград*

E-mail: astarinskaya1@kantiana.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема профессионального самоопределения учащихся психолого-педагогических классов. Традиционные профориентационные подходы, ориентированные на образы профессий или общие типы («человек-человек»), не позволяют школьнику понять, какая именно функциональная роль внутри педагогической деятельности ему подходит. В качестве инструмента решения этой проблемы предлагается функциональная типология Г.Г. Воробьева, содержащая 50 универсальных профессиональных функций, каждая из которых описана через набор стандартных способностей. На основе экспертного анализа выделены функции, наиболее релевантные педагогической деятельности, и определено ядро ключевых способностей. Разработана диагностическая модель для школьников «Моя роль в педагогической профессии», включающая четыре интегральных роли. Предложен алгоритм использования данной модели в профориентационной работе психолого-педагогических классов.

Ключевые слова: профессиональная ориентация, психолого-педагогические классы, педагогическая профессия, функциональный подход, диагностика способностей, профессиональное самоопределение.

Каждый год десятки тысяч школьников выбирают психолого-педагогические классы [3]. Они искренне хотят работать с детьми, вести уроки, быть наставниками. Однако практика показывает, что уже на первых курсах педагогических вузов многие разочаровываются. «Это не мое», – говорят они и уходят в другие сферы. В чем причина? Дело не в отсутствии мотивации и не в плохой подготовке. Дело в том, что профориентация в школе не дает ответа на главный вопрос: «Какая именно педагогическая роль мне подходит?» [5].

Современный педагог – это не один образ, а множество профессиональных ролей [2]. Можно быть блестящим лектором, но плохим организатором групповой работы. Можно быть чутким наставником, но испытывать трудности с дисциплиной в классе. Можно отлично разрабатывать учебные материалы, но теряться при публичных выступлениях. Все эти роли – разные, и каждая требует

своего набора способностей. Традиционная профориентация, которая ограничивается вопросами «любишь ли ты детей?» или тестами на тип «человек-человек», этих различий не видит. В результате школьник выбирает профессию вслепую, а не осознанно.

В поисках инструмента, который позволил бы сделать профориентацию точнее, мы обратились к работе Г.Г. Воробьева «Школа будущего начинается сегодня» [4]. Этот автор еще в конце прошлого века предложил оригинальную функциональную типологию, включающую 50 универсальных профессиональных функций. Каждая функция описана через «стандартные способности» – то есть те личностные качества, которые необходимы для ее успешного выполнения. И что особенно важно, эта типология не привязана к конкретной профессии, а описывает деятельность в ее функциональном многообразии. Это делает ее идеальным инструментом для профориентации.

Из 50 функций, описанных Воробьевым, далеко не все имеют отношение к педагогической деятельности. Охранник, монтажник, крановщик – эти функции явно не для психолого-педагогического класса. Наша задача состояла в том, чтобы отобрать те функции, которые действительно релевантны работе педагога.

Для этого была собрана экспертная группа из пяти человек: школьные психологи, педагоги психолого-педагогических классов и сотрудники центра профориентации. Каждую из 50 функций оценивали по шкале от 0 (совсем не нужно педагогу) до 3 (крайне важно). В итоговый список попали только те функции, которые получили средний балл не ниже 2. Таких оказалось 12. Вот они.

«Информатор» – это все, что связано с лекционной работой, публичными выступлениями, объяснением сложного материала. «Организатор людей» – умение управлять групповой работой, организовывать проекты, распределять задания. «Помощник» – тьюторское сопровождение, помощь студентам в самостоятельной работе. «Советник» – консультирование по учебным и жизненным вопросам, наставничество. «Воспитатель» – формирование ценностей, правил поведения, общекультурных норм. «Координатор» – взаимодействие с коллегами и родителями, согласование планов. «Исследователь» – аналитическая работа с информацией, умение разбираться в новом материале. «Разработчик» – создание учебных программ, планов занятий, методических материалов. «Наблюдатель» – отслеживание прогресса учеников, диагностика трудностей. «Расследователь» – анализ причин конфликтов и неудач. «Литератор» – умение работать с текстами, писать статьи и методички. «Изыскатель» – поиск новых знаний, любознательность, интерес к новому.

Каждая из отобранных функций Воробьева описана через набор стандартных способностей. Например, для «Информатора» – это эрудиция, интеллектуальная продуктивность, коммуникативность, эмоциональность, ясность. Для «Советника» – аналитический склад, интеллектуальная продуктивность, экономическое чутье, самообладание, уверенность, гибкость, своевременность, искренность.

Мы подсчитали, какие способности встречаются чаще всего в описаниях наших 12 функций. Это позволило выявить ядро – те качества, которые нужны любому педагогу, независимо от его специализации. Всего в описаниях фигурировало 28 различных способностей. Наиболее частотными оказались семь.

Аналитический склад встречается в девяти функциях из двенадцати. Педагогу постоянно приходится анализировать информацию, выделять главное, видеть причинно-следственные связи. Интуиция – в восьми функциях. Хороший учитель часто чувствует, что происходит в классе, предвидит трудности, понимает состояние ученика без слов. Коммуникативность – в семи функциях. Умение говорить, слушать, убеждать, объяснять – основа педагогической работы. Самоконтроль – тоже в семи. Педагог не может позволить себе срываться, даже когда ситуация выходит из-под контроля. Гибкость – в семи. Один план урока никогда не работает со всеми классами одинаково, приходится постоянно подстраиваться. Уверенность – в шести. Учитель, который сомневается в себе, не может вести за собой других. Внимательность – в шести. Важно замечать детали: кто не понял тему, кто конфликтует с соседом, кому нужна поддержка.

Эти семь способностей можно считать «педагогическим минимумом». Но важно понимать: у разных людей они развиты по-разному [7]. Кто-то силен в аналитике, но слаб в коммуникации. Кто-то прекрасно чувствует аудиторию (интуиция), но ему не хватает самоконтроля. Именно в этих различиях – ключ к осознанному выбору роли.

На основе отобранных функций мы объединили их в четыре крупные роли. Каждая роль – это целый спектр задач, которые решает педагог. И каждая роль требует своего акцента в способностях.

Роль первая – «Изыскатель-аналитик». Она объединяет функции Исследователя, Литератора, Наблюдателя и Изыскателя. Это педагог, который любит копаться в материале, анализировать данные, писать статьи и методические работы. Ему интересно разбираться в сложных темах, искать новое, систематизировать. В школе такой педагог будет великолепным разработчиком авторских программ, руководителем исследовательских проектов школьников, автором учебных пособий. Его сильные стороны – аналитический склад, интеллектуальная продуктивность, внимательность. Слабые стороны (например, трудности с публичными выступлениями) могут быть не критичны, если он находит свою нишу.

Роль вторая – «Организатор-коммуникатор». Она объединяет Информатора, Организатора людей и Разработчика. Это педагог, который энергичен, общителен, умеет держать внимание класса. Ему нравится выступать перед аудиторией, вести дискуссии, придумывать интерактивные формы работы. В школе такой педагог – душа коллектива, любимец учеников, мастер классных часов и внеурочной деятельности. Его сильные стороны – коммуникативность, гибкость, уверенность. Однако ему может быть скучно заниматься рутинным

анализом или писать длинные тексты.

Роль третья – «Наставник-консультант». Она объединяет Помощника, Советника, Расследователя и Воспитателя. Это педагог, который ориентирован на индивидуальную работу. Он чутко чувствует состояние другого человека, умеет выслушать, дать совет, помочь разобраться в сложной ситуации. В школе такой педагог – идеальный классный руководитель, тьютор, школьный психолог (с дополнительным образованием), наставник для трудных подростков. Его сильные стороны – интуиция, самоконтроль, эмпатия. Но публичные выступления перед большой аудиторией могут даваться ему с трудом.

Роль четвертая – «Координатор-управленец». Она объединяет Координатора и частично Организатора людей. Это педагог, который умеет договариваться, согласовывать, выстраивать системы. Ему интересно планировать, распределять задачи, взаимодействовать с коллегами и родителями. В школе такой педагог может стать завучем, руководителем методического объединения, председателем родительского комитета. Его сильные стороны – самоконтроль, гибкость, социальная ответственность. Однако ему может не хватать глубины в предмете или эмоциональной близости с учениками.

Важнейший вывод, который должны усвоить школьники: не бывает «плохих» или «хороших» профилей. Есть разные роли, и для каждой найдется свое место в школе. Проблема не в том, чтобы стать «идеальным педагогом» (таких не бывает), а в том, чтобы найти роль, которая соответствует твоим сильным сторонам.

Предложенная модель может быть использована в профориентационной работе психолого-педагогических классов. Алгоритм состоит из нескольких шагов.

Первый шаг – самодиагностика. Школьник проходит опросник, который оценивает его по семи ключевым способностям: аналитический склад, интуиция, коммуникативность, самоконтроль, гибкость, уверенность, внимательность [6]. Важно, что это не тест на знание педагогики и не анкета «нравится – не нравится». Это измерение реальных личностных качеств. Результат – профиль, где видно, какие способности развиты хорошо, а какие требуют внимания.

Второй шаг – соотнесение с ролями. На основе своего профиля школьник может увидеть, какая из четырех ролей ему подходит больше всего. Например, высокие баллы по аналитическому складу и внимательности при средних показателях по коммуникативности – это склонность к роли «Изыскателя-аналитика». Высокие баллы по коммуникативности и гибкости при низких по самоконтролю – это потенциально сильный «Организатор-коммуникатор», которому нужно работать над саморегуляцией.

Третий шаг – функциональные пробы. Школьнику предлагают попробовать себя в разных ролях на практике [8]. Подготовить и провести фрагмент урока (роль организатора-коммуникатора). Помочь отстающему ученику разобрать тему (роль наставника-консультанта). Проанализировать и представить классу статью на педагогическую тему (роль изыскателя-

аналитика). Организовать взаимодействие между группами в каком-то проекте (роль координатора-управленца). По результатам проб становится понятно, где школьник чувствует себя комфортно, а где – нет.

Четвертый шаг – выбор траектории развития. Если диагностика и пробы показали, что школьнику близка роль «Изыскателя-аналитика», это не значит, что он не должен развивать коммуникативные навыки. Но это значит, что его главная ставка – на аналитическую работу, и при выборе педагогической специализации ему стоит обратить внимание на те позиции, где эта сильная сторона востребована (например, разработка учебных материалов, руководство исследовательскими проектами, работа в методическом отделе) [1].

Предложенный подход, как и любой другой, имеет свои ограничения. Во-первых, типология Воробьева создавалась тридцать лет назад и не учитывает современных реалий: цифровую педагогику, работу с дистанционными классами, медиацию конфликтов. Эти функции придется добавлять отдельно. Во-вторых, диагностика способностей по опроснику всегда приближительна. Реальный ответ дают только функциональные пробы – практические задания, а не галочки в анкете. В-третьих, предложенные четыре роли – это не жесткие категории. У большинства людей выражены сразу две или три роли в разной степени. Задача не в том, чтобы «загнать» школьника в одну роль, а в том, чтобы помочь ему увидеть свои сильные стороны и выбрать направление, где они будут работать.

Кроме того, важно помнить, что способности развиваются. Если у школьника низкие показатели по коммуникативности, это не приговор. Это зона развития, с которой можно и нужно работать, если он осознанно выбирает роль, требующую общения. Но начинать стоит с честной диагностики, а не с иллюзий.

Профориентация в психолого-педагогических классах сегодня часто напоминает лотерею. Школьник выбирает профессию по образу, а не по функции. Функциональная типология Г.Г. Воробьева предлагает иной путь. Она позволяет увидеть за общим словом «педагог» конкретные роли – информатора, организатора, помощника, советника, координатора, исследователя. Она дает язык для разговора о способностях, а не только об интересах. И, что самое важное, она предлагает инструмент для честной диагностики: какие роли тебе подходят, а какие – нет. Это не лишает школьника мечты, но делает ее осознанной. А осознанный выбор – единственный, который не приводит к разочарованию на первом курсе педагогического вуза.

Литература:

1. Абашина А. Д. Методы сопровождения индивидуальной траектории развития учащихся в контексте форсайт-технологии // Педагогическая наука и практика в условиях цифровизации образования: новые вызовы и решения. – 2020. – С. 19-26.
2. Алексеева П. М. Профессиональные роли преподавателя современного вуза // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – №. 81-3. – С. 13-16.
3. Байбородова Л. В. и др. Допрофессиональная педагогическая подготовка школьников: Опыт и традиции. – 2021.
4. Воробьев Г. Г. Школа будущего начинается сегодня: книга для учителя. – Просвещение, 1991.
5. Гудкова Е. В. Основы профориентации и профессионального консультирования: учебное пособие // Челябинск: ЮУрГУ. – 2004. – Т. 125.
6. Ильинич Н. В. Общая психодиагностика. – 2003.
7. Шадриков В. Д., Мазилев В. А., Слепко Ю. Н. Психология педагогических способностей. – 2021.
8. Швалева Н.М. и др. Устойчивость школьника в ситуациях неопределенности: психолого-педагогические технологии развития. – 2024.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

*Гаджимурадов Екафей Надирович,
Академия управления МВД России, г. Москва*

E-mail: gen0205@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются правовые и организационные проблемы взаимодействия следователя и оперативных подразделений при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Рассматриваются коллизии норм УПК РФ и ФЗ об ОРД, недостатки документирования, разграничение полномочий и конфликт интересов. Предлагаются пути совершенствования: законодательное закрепление результатов оперативно-розыскной деятельности как повода к возбуждению дела, унификация процедуры изъятия, обязательное участие специалистов и усиление работы с цифровыми следами.

Ключевые слова: взаимодействие следователя и оперативных подразделений; незаконный оборот наркотиков; результаты оперативно-розыскной деятельности; стадия возбуждения уголовного дела; цифровые следы; проверочная закупка.

Согласно ст. 74 УПК РФ, результаты оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) не являются самостоятельным источником доказательств, а ст. 89 УПК РФ лишь указывает на недопустимость их использования, если они не отвечают требованиям УПК РФ, не конкретизируя эти требования. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) перечисляет комплекс возможных действий, но не регулирует порядок их проведения и оформления с точки зрения последующего использования в уголовном процессе.

Как справедливо отмечает С.В. Владимиров, «оперативное» законодательство оставляет открытым вопрос о форме фиксации промежуточных результатов, именовании документов (акт или протокол), привлечении гражданских лиц (понятые или «представители общественности») [1, с. 165]. Это приводит к тому, что документы, составленные сотрудниками подразделений по контролю за оборотом наркотиков в ходе оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), зачастую не имеют унифицированной

формы и содержат ошибки, которые впоследствии, уже на стадии следствия, могут повлечь признание доказательств недопустимыми.

Кроме того, ФЗ об ОРД не предусматривает ОРМ, позволяющих производить изъятие следов преступления в том порядке, который привычен для следователя. В статье Р.С. Хамидуллина и Е.Р. Замятина подчеркивается, что изъятие наркотиков оперативными сотрудниками нередко проводится в рамках административного законодательства (ст. 27.7 КоАП РФ) или оформляется актом изъятия [2, с. 67]. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на ошибочность применения норм КоАП РФ в случаях, когда усматриваются признаки преступления [3; 4]. Таким образом, следователь сталкивается с дилеммой: либо принять материалы, изначально собранные с нарушением процедуры (что влечет риск признания их недопустимыми), либо проводить повторные следственные действия, что часто невозможно ввиду быстротечности наркопреступлений (уничтожение «закладок», смена сим-карт).

Одной из наиболее острых проблем является фактическое «размывание» стадии возбуждения уголовного дела. Как было установлено при изучении следственной практики, в 89% случаев типичным поводом для возбуждения дела служит рапорт об обнаружении признаков преступления, составляемый оперативным сотрудником. При этом сама проверочная закупка и документирование часто проводятся до формальной регистрации сообщения.

В этих условиях оперативные сотрудники подразделений по контролю за оборотом наркотиков невольно решают задачи, свойственные стадии предварительного расследования (установление лица, изобличение), но вне процессуальных рамок. Следователь подключается к работе, когда основная масса фактических данных уже собрана оперативным путем. Это порождает конфликт: следователь вынужден оценивать материалы, созданные при его формальном отсутствии. Как показывает анализ уголовных дел, в 96% случаев по делам о сбыте через интернет-магазины присутствует завуалированность высказываний, требующая специальных лингвистических познаний. Однако оперативные сотрудники не всегда фиксируют контекст переписки, полагаясь на собственное понимание сленга наркоторговцев, что снижает доказательственное значение таких материалов.

Процессуальная форма взаимодействия – поручение следователя органу дознания (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) – вызывает на практике множество споров. В диссертации Р.Г. Ушанова отмечается, что следователи часто переходят грань своих полномочий, формулируя в поручениях не задачи, а конкретные методы и способы проведения ОРМ, что нарушает принцип самостоятельности оперативного сотрудника [5, с. 14]. С другой стороны, оперативные сотрудники нередко злоупотребляют своей самостоятельностью, производя процессуальные действия (например, осмотр места происшествия по факту обнаружения «закладки») без непосредственного участия следователя либо до возбуждения

дела, что ставит под сомнение допустимость полученных доказательств.

Помимо формального поручения, существует институт «оперативного сопровождения», который, по мнению А.В. Пупцевой и А.А. Закатова, является организационной формой взаимодействия [6, с. 148]. Однако на практике такое сопровождение зачастую превращается в параллельную деятельность, не стыкующуюся с планом расследования. Следователь строит версии, исходя из имеющихся доказательств, а оперативный сотрудник работает по своим установкам, и их информационные потоки пересекаются лишь эпизодически. Результаты опроса, приведенные в статье Л.С. Шеховцовой и И.А. Неупокоевой, показывают, что лишь 45% респондентов осуществляли совместную разработку планов следственных действий и ОРМ; в остальных случаях планирование носило формальный характер [7, с. 21].

В статье А.М. Кустова и О.А. Макаровой подчеркивается, что при задержании «закладчиков» оперативные сотрудники часто упускают время на фиксацию электронных следов. Задержанный успевает активировать функцию удаленного уничтожения данных в мессенджерах (Telegram, WhatsApp), что лишает следствие ценной информации о связях и координатах «тайников». Взаимодействие на этом этапе строится по остаточному принципу: следователь поручает «принять меры к сохранности информации», но оперативный сотрудник, не имея процессуальных полномочий на изъятие телефона до возбуждения дела, часто вынужден бездействовать или действовать с нарушением [8, с. 20].

Анализ правовых основ, представленный в научных источниках, показывает, что основная масса коллизий порождена отсутствием единого системного подхода к регулированию «переходного моста» между ОРД и уголовным процессом. Перспективным направлением совершенствования является внесение изменений в федеральное законодательство по следующим ключевым позициям.

В настоящее время типичным поводом является рапорт об обнаружении признаков преступления (ст. 143 УПК РФ), который по сути дублирует сведения, полученные в ходе ОРД. В связи с этим целесообразно дополнить ст. 140 УПК РФ самостоятельным пунктом о таком поводе, как «представление результатов оперативно-розыскной деятельности». Это позволит устранить правовую неопределенность, когда фактически работа по доказыванию начинается еще до вынесения постановления о возбуждении дела, размывая границы стадий. При этом обязательно следует законодательно закрепить порядок проверки таких материалов, включающий в себя возможность истребования объяснений у лиц, участвовавших в ОРМ (понятых, закупщиков), без формального продления сроков проверки в каждом случае.

На практике остро стоит проблема изъятия наркотиков до возбуждения уголовного дела. Зачастую изъятие оформляется либо актом ОРМ (со ссылкой на

ведомственную инструкцию), либо протоколом личного досмотра по КоАП РФ, что впоследствии дает защите основания для признания доказательств недопустимыми. Наиболее взвешенным представляется предложение дополнить ст. 144 УПК РФ указанием на возможность проведения изъятия предметов и документов в ходе осмотра места происшествия с составлением протокола, отвечающего требованиям ст. 166 УПК РФ. Это позволит оперативному сотруднику, выявившему преступление, действовать в единой процессуальной логике, а следователю – получить доброкачественный первичный материал.

Анализ тактических ошибок показывает, что до 78% нарушений при осмотре мест происшествия (неправильное описание упаковки, изъятие носителей без соблюдения условий энергосбережения, потеря микроследов) связаны с отсутствием знаний у следователя в области химии и компьютерной техники. Целесообразно на уровне ведомственного приказа закрепить положение о том, что осмотр места происшествия по фактам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств (психоактивных веществ), производится в обязательном порядке с участием специалиста-криминалиста, имеющего допуск к работе с наркотическими средствами и психоактивными веществами. Это повысит доказательственное значение протокола и справки об исследовании.

Взаимодействие следователя и оперативного сотрудника должно строиться по принципу «документирование в двух средах»: физической (изъятие вещества) и цифровой (изъятие мобильного устройства или ноутбука). Следователь, обладая властными полномочиями, должен незамедлительно выносить постановление об изъятии и осмотре цифровых носителей, а оперативный сотрудник – обеспечивать сохранность данных (доступ к облачным серверам, блокировка дистанционного стирания информации). Предлагается внедрить практику получения «образцов цифровой переписки» через допрос закупщика, который фиксирует скриншоты переговоров. Это сделает возможным назначение лингвистической и компьютерно-технической экспертизы (расшифровка сленга, восстановление удаленной переписки).

Р.Г. Ушанов выделяет такой феномен, как «криминальный профессионализм» обвиняемых, которые дают ложные показания, ссылаясь на провокацию сбыта. Совершенствование взаимодействия здесь заключается в тщательной фиксации «инициативности преступника». Следователь должен разъяснить оперативному сотруднику важность документирования моментов, когда сам фигурант предлагал психоактивное вещество (фразы в записи разговоров). Оперативный сотрудник, в свою очередь, должен обеспечивать высокое качество аудио– и видеозаписи проверочной закупки, а следователь – грамотно ставить вопросы на фоноскопическую экспертизу (идентификация голоса, анализ смыслового содержания угроз или предложений). Это лишает преступника главного аргумента защиты о склонении к преступлению сотрудниками полиции [5, с. 15].

Проведенный анализ теоретических источников и эмпирического материала позволяет сделать вывод о том, что основным резервом повышения эффективности противодействия незаконному обороту наркотиков является совершенствование взаимодействия следователей и оперативных подразделений. Пути данного совершенствования лежат в двух взаимосвязанных плоскостях:

1) нормативно-правовой: требуется легализация результатов ОРД как самостоятельного повода к возбуждению уголовного дела, унификация процедуры изъятия до возбуждения дела, а также законодательное закрепление обязательного участия специалиста;

2) тактико-методической: акцент должен быть смещен на работу с цифровыми следами (криптокошельки, мессенджеры, геолокация). Требуется проведение регулярных совместных учений и тренингов для преодоления профессионального разрыва между процессуальными навыками следователя и знаниями оперативного сотрудника.

Реализация этих предложений позволит не только повысить раскрываемость преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, но и сформировать единую, непротиворечивую доказательственную базу, устойчивую к попыткам фальсификации и провокации со стороны защиты.

Литература:

1. Владимиров С.В. О взаимодействии подразделений и служб органов внутренних дел при расследовании преступлений о незаконном обороте наркотических средств // Актуальные проблемы деятельности правоохранительных органов Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары: Среда, 2024. – С. 165-168.

2. Хамидуллин Р.С., Замятин Е.Р. Криминалистическое обеспечение организации взаимодействия следователя и оперативно-розыскных подразделений в ходе раскрытия и расследования незаконного оборота наркотических средств, осуществляемого тайниково-закладочным методом // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 1 (37). – С. 67-71.

3. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Порейчука Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и частью 3 статьи 48 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»: определение Конституционного Суда РФ от 23 ноября 2017 г. № 2782-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Щипилина Виталия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и пунктом 3

статьи 48 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»: определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2017 г. № 1516-О. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Ушанов Р.Г. Взаимодействие следователя и оперативного сотрудника при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотиков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 24 с.

6. Пупцева А.В., Закатов А.А. Основные аспекты взаимодействия следователя с органом дознания и экспертными учреждениями при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 1 (52). – С. 148-153.

7. Шеховцова Л.С., Неупокоева И.А. Тактика осмотра места происшествия при расследовании незаконного производства синтетических наркотиков // Наркоконтроль. – 2023. – № 1. – С. 21-25.

8. Кустов А.М., Макарова О.А. Тактико-криминалистическое обеспечение расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, совершенных с использованием сети Интернет. Часть первая // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2026. – № 1. – С. 20-24.

СТРАТЕГИИ СЕЛЕКЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МАТЕРИАЛОВ В ДИЗАЙНЕ МОДЕЛЕЙ С РАСШИРЕННЫМ ЖИЗНЕННЫМ ЦИКЛОМ (10+ ЛЕТ)

*Миловская Анастасия Валерьевна,
дизайнер бренда одежды
«Dress Club Collection»,
г. Москва*

E-mail: info@dressclub.ru

Аннотация. В статье рассматриваются стратегии селекции и интеграции материалов в дизайне моделей с расширенным жизненным циклом более 10 лет. Основное внимание уделено проектированию изделий, способных сохранять функциональные, конструктивные и эстетические свойства в течение длительного периода эксплуатации. Рассмотрены ключевые направления выбора материалов: прочность, износостойкость, ремонтпригодность, совместимость, возможность переработки и стоимость обслуживания. Отдельно раскрыта роль конструктивных решений, сервисного сопровождения, заменяемых элементов и контроля качества производства. Сделан вывод о том, что долговечность изделия обеспечивается не отдельным выбором материала, а комплексным подходом, объединяющим свойства материала, конструкцию, технологию изготовления и условия дальнейшего использования.

Ключевые слова: дизайн, материалы, жизненный цикл изделия, долговечность, ремонтпригодность, устойчивое проектирование, переработка, конструкция изделия.

Актуальность исследования

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в современном дизайне и производстве все большее значение приобретает создание изделий, рассчитанных на длительный срок эксплуатации. Быстрая сменяемость моделей, сокращение периода использования продукции и рост объемов отходов усиливают необходимость перехода к более ответственному проектированию, при котором изделие изначально разрабатывается с учетом долговечности, ремонтпригодности, возможности обновления и рационального использования материалов.

Особую роль в решении данной задачи играет правильный выбор материалов. Именно материал во многом определяет срок службы изделия, его устойчивость к износу, механическим повреждениям, воздействию влаги, температуры, света и других внешних факторов. Кроме того, материал влияет не

только на функциональные свойства модели, но и на ее внешний вид, безопасность, удобство эксплуатации, стоимость обслуживания и возможность последующей переработки или повторного применения.

В условиях развития устойчивого дизайна возрастает потребность в таких проектных решениях, которые позволяют продлевать жизненный цикл изделий и снижать нагрузку на окружающую среду [1, с. 264]. Модель с жизненным циклом более 10 лет должна сохранять не только техническую пригодность, но и эстетическую актуальность, удобство использования и возможность адаптации к изменяющимся потребностям пользователя. Поэтому при проектировании подобных изделий важно учитывать не отдельные свойства материала, а всю совокупность его характеристик: прочность, износостойкость, ремонтпригодность, экологичность, совместимость с другими материалами и технологичность обработки [2, с. 304].

Актуальность исследования также связана с тем, что долговечность изделия зависит не только от качества выбранного материала, но и от того, насколько грамотно он интегрирован в конструкцию модели. Даже прочный и качественный материал может не обеспечить длительный срок службы, если он используется без учета условий эксплуатации, способов соединения, возможности замены отдельных элементов и особенностей ухода. В связи с этим особое значение приобретает комплексный подход к селекции и интеграции материалов, при котором дизайнерское, инженерное, экологическое и экономическое обоснование рассматриваются как взаимосвязанные элементы одного проектного процесса [6, с. 108].

Цель исследования

Целью данного исследования является определение основных стратегий селекции и интеграции материалов при проектировании моделей с расширенным жизненным циклом более 10 лет.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили теоретические положения в области устойчивого дизайна, проектирования изделий длительного использования, выбора материалов, ремонтпригодности, повторного использования и переработки.

В работе применялись методы анализа, обобщения, систематизации, сравнительной характеристики и проектного анализа.

Результаты исследования

Проектирование моделей с расширенным жизненным циклом предполагает создание изделий, которые сохраняют свои функциональные, конструктивные и эстетические свойства в течение длительного времени. Для моделей со сроком службы более 10 лет особенно важно учитывать не только внешний вид и первоначальную стоимость изделия, но и его прочность, ремонтпригодность, удобство обслуживания, возможность замены отдельных элементов и последующую переработку материалов [4, с. 126].

В основе такого подхода лежит представление об изделии как о системе, проходящей несколько последовательных этапов: выбор сырья, производство

материалов, разработка конструкции, изготовление, эксплуатация, обслуживание, ремонт, повторное использование, переработка или утилизация (рисунок 1). Поэтому качество модели длительного использования определяется не одним отдельным решением, а согласованностью материала, конструкции, технологии производства и условий эксплуатации.

Рис. 1 Основные этапы жизненного цикла изделия длительного использования (разработка автора)

При проектировании модели на срок более 10 лет необходимо заранее определять, какие части изделия будут испытывать наибольшую нагрузку, какие элементы должны быть заменяемыми, какие соединения позволят выполнять ремонт без разрушения всей конструкции (таблица 1).

Селекция материалов для изделий со сроком службы более 10 лет должна основываться на их проверяемых эксплуатационных свойствах. Материал выбирается не только по внешнему виду и стоимости, но и по прочности, износостойкости, устойчивости к влаге, температуре, свету, механическим нагрузкам и старению. Для долговечных изделий важно, чтобы материал сохранял форму, безопасность и функциональные свойства в течение всего периода эксплуатации [7, с. 133].

Одной из основных стратегий является выбор материалов с учетом условий использования изделия. На этапе проектирования необходимо определить, какие нагрузки будет испытывать модель, как часто она будет использоваться, будет ли подвергаться воздействию влаги, трения, загрязнений, чистящих средств или перепадов температуры. Такой подход позволяет снизить риск преждевременного износа и продлить срок службы изделия.

Таблица 1

**Основные направления проектирования
модели со сроком службы более 10 лет**

Направление проектирования	Что учитывается	Значение для модели со сроком службы более 10 лет
Материал	Прочность, износостойкость, устойчивость к старению	Позволяет изделию дольше сохранять рабочие свойства
Конструкция	Разборность, надежность соединений, возможность замены деталей	Упрощает ремонт и продлевает срок эксплуатации
Технология производства	Способ обработки, качество сборки, защитные покрытия	Снижает риск преждевременного износа
Эксплуатация	Условия использования, уход, частота нагрузки	Помогает сохранить свойства изделия в реальных условиях
Завершение жизненного цикла	Повторное использование, переработка, утилизация	Снижает объем отходов и расход новых материалов

Источник: разработка автора.

Вторая стратегия связана с ремонтопригодностью. Материалы должны позволять выполнять обслуживание, замену отдельных элементов, восстановление покрытия, обивки, креплений или других деталей без полной замены изделия. Для моделей с длительным жизненным циклом особенно важны разборные соединения и конструктивные решения, при которых поврежденный элемент можно заменить отдельно [3, с. 7].

Третья стратегия предполагает оценку совместимости материалов в составе одной конструкции. Нежелательно применять материалы, которые затрудняют ремонт, ускоряют износ друг друга или делают переработку изделия практически невозможной. Для долговечных моделей предпочтительны такие способы соединения, которые позволяют разобрать изделие без разрушения основных элементов [9, с. 18].

Четвертая стратегия связана с возможностью повторного использования или переработки материалов [10, с. 98]. Это особенно важно для массовых товарных категорий, где после окончания эксплуатации образуется значительный объем отходов. При выборе материала следует учитывать не только его первоначальные свойства, но и дальнейшее обращение с ним после завершения срока службы изделия.

Отдельное значение имеет экономическая оценка материала. Для изделий со сроком службы более 10 лет важно учитывать не только цену закупки, но и расходы на уход, ремонт, замену деталей и утилизацию. Более качественный материал может быть дороже на этапе производства, но выгоднее при длительном использовании.

Основные критерии выбора материалов для изделий со сроком службы более 10 лет приведены в таблице 2.

Таблица 2

**Основные критерии выбора материалов
для изделий со сроком службы более 10 лет**

Критерий	Что учитывается	Значение для изделия
Прочность	Устойчивость к нагрузкам и повреждениям	Продлевает срок службы изделия
Износостойкость	Сопротивление трению, старению, выцветанию	Сохраняет внешний вид и рабочие свойства
Ремонтопригодность	Возможность восстановления и замены деталей	Снижает необходимость полной замены изделия
Совместимость	Сочетание материалов и способов соединения	Упрощает обслуживание и переработку
Переработка	Возможность повторного использования материала	Снижает объем отходов
Стоимость обслуживания	Расходы на уход, ремонт и замену элементов	Позволяет оценить материал на весь срок эксплуатации

Источник: разработка автора.

Для наглядного представления последовательности включения материала в структуру изделия целесообразно выделить основные этапы этого процесса: от выбора материала и способа его соединения до обеспечения доступа к обслуживанию, ремонта и дальнейшего обращения с изделием после окончания срока эксплуатации. Данная последовательность представлена на рисунке 2.

Практическая разработка модели с жизненным циклом более 10 лет начинается с определения сценария длительного использования. Необходимо установить, как часто изделие будет применяться, кто будет его обслуживать, в каких условиях оно будет храниться и какие действия пользователь будет выполнять в процессе эксплуатации [5, с. 156].

Важным этапом является подготовка технического задания. В нем следует закрепить предполагаемый срок службы, допустимые нагрузки, требования к безопасности, порядок обслуживания, возможность замены деталей и способы проверки качества готового изделия. Чем точнее определены эти параметры, тем выше вероятность, что долговечность будет обеспечена не только формально, но и конструктивно.

Далее разрабатывается опытный образец. Он позволяет проверить удобство сборки, использования, очистки, регулировки и обслуживания. На этом этапе выявляются слабые места модели: затрудненный доступ к деталям, сложность ремонта, недостаточная устойчивость отдельных узлов или неудобство хранения [8, с. 199].

Для изделий длительного использования необходимы понятные инструкции по эксплуатации и уходу, а также информация о заменяемых деталях и допустимых способах ремонта. Если изделие рассчитано на срок более 10 лет,

важно заранее предусмотреть доступность запасных частей и возможность сервисного сопровождения.

Экономическая оценка также входит в практическую разработку долговечной модели. Необходимо учитывать не только стоимость изготовления, но и расходы на обслуживание, ремонт, замену деталей и дальнейшую переработку. Изделие может быть дороже на этапе производства, но более выгодным при длительном использовании, если оно реже требует полной замены и допускает восстановление отдельных элементов.

Рис. 2. Логика интеграции материалов в модель длительного использования (разработка автора)

Основные способы интеграции материалов в изделие длительного использования представлены в таблице 3.

Таблица 3

**Основные способы интеграции
материалов в изделие длительного использования**

Способ интеграции	Что предусматривается	Практическое значение
Разборные соединения	Винты, болты, защелки, сменные крепления	Позволяют ремонтировать изделие без разрушения конструкции
Сменные элементы	Отдельная замена деталей, покрытий, обивки, уплотнителей	Продлевает срок службы всей модели
Защитная обработка	Покрытия от влаги, коррозии, истирания, загрязнений	Снижает риск преждевременного повреждения материала
Материальная совместимость	Отсутствие сочетаний, ускоряющих износ или усложняющих переработку	Повышает надежность конструкции
Маркировка материалов	Указание состава, способа ухода, возможности переработки	Упрощает обслуживание и дальнейшее обращение с изделием
Доступ к узлам ремонта	Возможность открыть, снять или заменить поврежденный элемент	Делает ремонт технически выполнимым

Источник: разработка автора.

Не менее важен контроль качества производства. Долговечность модели зависит от точности изготовления деталей, надежности соединений, соблюдения технологии обработки и качества сборки. Поэтому готовое изделие должно проходить проверку перед передачей пользователю. Такой подход позволяет перейти от идеи долговечного изделия к реальной модели, способной сохранять полезность, безопасность и потребительскую ценность на протяжении длительного времени.

Выводы

Таким образом, разработка моделей с жизненным циклом более 10 лет требует комплексного подхода к выбору и применению материалов. Долговечность изделия зависит не только от прочности материала, но и от его совместимости с другими элементами конструкции, возможности ремонта, замены отдельных деталей, правильного ухода и контроля качества производства. Наиболее эффективными являются такие проектные решения, которые предусматривают разборность конструкции, доступность обслуживания, наличие заменяемых элементов и возможность повторного использования или переработки материалов.

Следовательно, селекция и интеграция материалов выступают важными условиями создания надежных, устойчивых и экономически обоснованных изделий длительного использования.

Литература:

1. Азиева Е.В., Цалко Р.В. Современные тенденции в эко дизайне // Экологические проблемы региона и пути их разрешения: Материалы XVI Международной научно-практической конференции. – 2022. – С. 262-266.
2. Богатырев П.С., Скобова Н.В. Экологический дизайн как способ решения экологических проблем // Материалы докладов 55-й Международной научно-технической конференции преподавателей и студентов. Том 1. – 2022. – С. 303-305.
3. Гаврилова О.Е., Никитина Л.Л. Модульные конструкции в современном костюме как решение актуальных задач экодизайна // Костюмология. – 2021. – Т. 6, № 2. – С. 1-12.
4. Ляхов Ю.О., Михайлов В.В., Липатников А.Д. Факторы, влияющие на надёжность технических средств служб материального обеспечения // Актуальные проблемы военно-научных исследований. – 2021. – № S4(16). – С. 124-134.
5. Медников Д.А., Абызова Е.В., Медникова О.В. CALS-технологии и их реализация на этапах жизненного цикла изделия // Вестник Академии знаний. – 2018. – № 27(4). – С. 155-157.
6. Одинцова Ю.Л., Кулеева Л.М. История понятия «экологический дизайн» // Дизайн-ревью. – 2017. – № 1-4. – С. 106-111.
7. Родькин П.Е. Устойчивый дизайн как источник будущего: концептуальные проблемы и вызовы // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2022. – Т. 7, № 3. – С. 129-147.
8. Филенко Ц.С. Устойчивый дизайн в визуальных коммуникациях // ДИСК -2023: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции в рамках Всероссийского форума молодых исследователей «Дизайн и искусство – стратегия проектной культуры XXI века». – 2023. – С. 198-201.
9. Флетчер К. Долговечность, мода, устойчивое развитие: процессы и практики применения // Теория моды: одежда, тело, культура. – 2019. – № 53. – С. 9-27.
10. Чекардовская С.С., Бочарова А.А. Экологические аспекты дизайна как проектной деятельности // Достижения молодежной науки для агропромышленного комплекса: Сборник трудов LVII научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. – 2023. – С. 97-99.

Журнал «Science Time»

Выпуск № 6/2026

В выпуске представлены
материалы Международных
научно-практических мероприятий
Общества Науки и Творчества
за июнь 2026 года

Россия, г. Казань

27 июня 2026 года

Компьютерная верстка
А.В. Сятынова

Издано при поддержке
«Общества Науки
и Творчества»
г. Казань

